

Анатолий Анатольевич Логинов

Рокировка Сталина. СССР-41 в XXI веке

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6299652

Логинов А. Рокировка Сталина. СССР-41 в XXI веке : Яуза, Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-62220-7

Аннотация

Новый фантастический боевик от автора бестселлера «Три танкиста из будущего»! «Обратная рокировка» во времени! Теперь уже не наши современники-«попаданцы» проваливаются в 1941 год, а Сталинский СССР «образца 41-го» переносится в наши дни!

Выживет ли Советский Союз в XXI веке? Есть ли шанс у Красной Армии устоять против НАТО? Что будет делать нынешняя Варшава с эшелонами польских офицеров, которые якобы были расстреляны в Катыни «кровавой гэбней», но на самом деле оказались живы? Сможет ли Сталин возглавить новую модернизацию страны и еще раз превратить нашу Родину в СверхДержаву?

Содержание

От автора	4
Необязательное предисловие	5
Пролог	6
День Первый	8
День Второй	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анатолий Логинов

Рокировка Сталина. СССР-41 в XXI веке

От автора

Перед вами – многоавторский проект, родившийся на форуме «В вихре времен» и написанный совместно его участниками Анатолием Логиновым, Виктором Гвором, Михаилом Рагимовым и Игорем Поручиком при участии Александра Ерзылева и Андрея Судьбина. Наш небольшой коллектив под руководством Логинова А.А. решил попытаться смоделировать ситуацию первых девяти дней при переносе в современный мир СССР из 22 июня 1941 года. Традиционно перенос проходит по границам СССР от 1991 года, включая морские воды на расстоянии двенадцати миль от береговой черты (на реках – по зарубежному берегу). При анализе получившейся ситуации нами использовались открытые материалы, не противоречащие выводам привлеченных нами в частном порядке экспертов¹. Преимущества СССР того времени нами отнюдь не выдуманы и опираются на исторические аналогии. Именно поэтому описываемый вариант событий является, с нашей точки зрения, наиболее вероятным, даже с учетом некоторого авторского произвола в описании событий (некоторое ускорение принятия решений в ООН и английским правительством, введение тайного общества «Темной Комнаты» и отдельные эпизоды второй части).

Еще раз приносим благодарность всем участникам форума <http://forum.amahrov.ru/>, принимавшим активное участие в обсуждении книги.

Особая благодарность коллеге CanadianGoose (Самиздат) за его конструктивную критику, а также Максиму Шейко, автору АИ – антиутопии «Иная реальность» за разрешение использовать его главного героя в нашей книге.

Предупреждение:

Все совпадения имен, географических названий и событий абсолютно случайны.

¹ Мы можем твердо вас заверить, что обнаружить и уничтожить атомную ПЛ в море практически маловероятно, что подтверждают данные о проводимых флотом РФ учениях; срок хранения ядерных боеприпасов – не менее 10–15 лет; а современные вооруженные силы всех стран действительно имеют серьезные проблемы с количеством и качеством состоящего в строю и на хранении вооружения.

Необязательное предисловие В неведомых пространствах и временах

Из отчетов комиссии по проверке происшествия в 6-альфа секторе Большой Лаборатории Времени (перевод с Вейского, 25637 год Вегранской эры).

«В результате выхода из строя по вышеуказанным причинам сингулярного фазового синхронизатора триангуляционная диссипация по в-параметру привела к созданию локального пробоя пв-континуума с взаимным переносом около шести миллионов стоунгов материи из хронокластера 34a657np-О в хронокластер 34a897рн-Е. Сохранение работоспособности субблока Эйч привело к синхронинформационизации переброшенной материи и материи кластеров...

Подводя итоги, надо заметить, что предварительная оценка локального пробоя как единственного оказалась полностью неверной... Выяснилось, что кроме основного пробоя и перемещения материи имеются также локальные перемещения в кластерах 34a657хар-Мин и 34a898рнхар-Мин, кластерах 34a853пол-А и 34a914пол-М, а также аналогичный основному двойной пробой с взаимным переносом около шести миллионов стоунгов материи из сектора 34a10годзи-О в сектор 34a41годзи-Р, сопровождаемый к тому же откатом временной линии в кластере и, соответственно, глобальными изменениями погодных условий...»

Пролог

*Ой, да не вечер, да не вечер.
Мне малым-мало спалось.
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.*

С. Есенин

г. Брест. Девятая погранзастава семнадцатого Краснознаменного пограничного отряда

Бессонной ночью на границе никого не удивишь, разве что вовсе случайного человека. Корреспондента столичной газеты, к примеру, приехавшего описывать подвиг защитников границы. Или еще какого шального штатского, вынесенного волнами бурного моря жизни на узкую полосу прибоя, указывающую пределы Страны Советов. Но шальных здесь не было. Новобранцы, пришедшие совсем недавно, и те уже «обмялись», освоились и не путали погранзону с погранполосой. А определение, что есть государственная граница, отскакивало от зубов, даже если среди ночи разбудить.

Только в это лето спать по ночам особо не приходилось.

Лейтенант покрутил головой. Шея затекла. С прошлого утра еще спать не ложился. Надеялся прикорнуть хоть на пару часов. Ага. Самому не смешно? Растолкали минут через двадцать. В такие моменты, Андрей жалел, что живет в соседнем с заставой помещении. В ином случае посыльному пришлось бы добираться до начальника заставы хоть немного дольше. А сейчас что? Выскочил из расположения, пробежал по коридору и на месте. Можно толкать начальника заставы, а когда тот раскроет глаза, шепнуть: «Тревога, тарищ лейтенант! Диверсантов спыймалы!» Почему шепнуть? Потому что в соседней комнате дети спят. Все трое. И жена с матерью.

Хорошо, что Катя умница и все отлично понимает. Знает, что не на «гульки» сорвался муж посреди ночи, не с местными мужиками теплый «бимбер» глотать, а по службе. У кавалеристов говорят: «Труба зовет!» Красиво звучит. Только у нас тревожнее: «Застава, в ружье!» И, не успев толком проснуться, летишь, хватая по пути в оружейке табельное оружие. Потом извилистые лесные тропы, липкая паутина, ветви, хлещущие по лицу... Порой погоня оканчивалась стрельбой. Тогда у жен и матерей прибавляется седых волос. Шила в мешке не утаишь, и простреленную руку не назовешь царапиной...

В этот раз все обошлось относительно спокойно. Диверсантов взяли живыми и без боестолкновения. Просто вышел навстречу двум подозрительным красноармейцам Индус, названный в честь того самого, и пасть раскрыл. И как раз Луна из-за тучки вылезла... Уж насколько он сам привычный, но если признаваться как на духу, опешил бы, если такая зверюга поперек тропы выйдет. Вот и те растерялись. Что? К чему? Зачем? И сколько раз? То ли стрелять начинать, то ли молиться, то ли еще что... Пока разбирались, пришла пора руки вверх поднимать и сдаваться, потому как тревожная группа подросла. А против «дегтяревского» пулемета и трех самозарядок особо не повоюешь...

Отчаянно захотелось есть. Желудок прямо-таки раскаленной спицей пронзило. Загнал ты себя, Андрей Митрофанович, ей-богу, загнал! А как иначе? Ведь это твоя застава и ты тут начальник. Разминая заболевший бок, лейтенант спустился к каптерке. Из приоткрытой двери пробивался свет.

– Не спишь, старшина?

– Как тут уснешь! – поднял голову от журнала старший сержант Шиколаев. – Патроны списывать надо, на шпионов сопроводиловку заполнять. Кто, кроме меня, сделает? Не тебя же бумажной волокитой грузить.

– А Поляков что? – напомнил лейтенант о своем заместителе.

Старшина только рукой махнул.

– Понятно, – улыбнулся Кижеватов. – Куда им, молодым да зеленым, супротив нас, заслуженных!

– Истинно говоришь, Андрей Митрофанович, – согласился старшина. – Пусть спит лейтенант. Он и так набегался. Пока повязали, пока на комендатуру сопроводили. Да что я тебе рассказываю, не хуже меня знаешь.

– Знаю, – зевнул начальник. – Слушай, Сергеич, а у тебя чайку не найдется? А то домой заходить не хочется, детишек перебужу.

– Найдется, как не найтись. Что будить не хочешь, так и верно. – Старшина достал из-под стола старые кружки, щербатые по краю, и фарфоровую розетку совершенно мешанского вида с закаменевшим вареньем. – Раз каникулы у детишков, то пущай спят, сны видят. У них завтра день тяжелый – в клуб фильмы новые завезли.

– Фильмы... – мечтательно протянул лейтенант. Только и осталось, что фильмы смотреть. Тут с устатку зажмуришься, так живые картинки перед глазами сами плясать начинают.

– Ладно, пойду на кухню схожу, – поднялся старшина из-за стола. – Заодно и закладку проверю.

– Закладку... – так же мечтательно сказал начальник. Пограничники, не сговариваясь, засмеялись.

– Пару бутербродов захвачу, – пообещал Шиколаев.

Но выйти из каптерки старшина не успел, в двери его перехватил дежурный по заставе сержант Демин.

– Начальник у вас, товарищ старшина? – И, не дожидаясь ответа, попытался протиснуться мимо Шиколаева.

– Что случилось, Вася? – не стал дожидаться конца дискуссии Кижеватов.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант! Там из комендатуры звонили! На «мостовом» посту непонятки какие-то. Просили «тревожку» выслать. И чтобы вы были.

– С добрым утром, Андрей Митрофанович, – выдохнул лейтенант. – Прекрасный воскресный день двадцать второго июня...

День Первый 22/06/1941 г. – 22/06/2010 г

Читинская область, ст. Отпор².

М.И. Чаковский, сержант ПВ НКВД³

Настоящий летний день, идущая от стоящего почти в зените солнца жара так и искушала расстегнуть крючок гимнастерки и расслабиться. Но служба есть служба...

Наряд пограничников, который вел сержант Михаил Чаковский, миновал очередной подъем и с небольшой возвышенности смог обозревать всю стоящую на границе с Маньчжурией станцию, все несколько десятков зданий и вокзал. Составлявшие, в сущности, весь поселок строения располагались по левую, в направлении границы, сторону железнодорожной линии, на склоне холма, переходящего в невысокие горы. С правой стороны железной дороги стояло всего два сооружения – недавно отстроенная электростанция и водокачка с торчащей у путей вышкой для заправки паровозов. За ними на многие километры вдоль границы тянулась забайкальская степь. Вдали, примерно в километре от станции на восток, возвышалась пограничная арка, у нее, с левой стороны, виднелась высокая дозорная вышка постовых пограничников, к которой сейчас и шел установленным командованием маршрутом дозор, изредка поглядывая в сторону границы, из-за которой на советскую землю враждебно тянули загибающиеся лапы японские самураи.

До вышки оставалось совсем немного, наряд уже миновал казарму железнодорожных рабочих и проходил мимо гарнизонной бани, когда идущий с проводником пес, немецкая овчарка Дунай, обычно послушный и исполнительный, внезапно сел и завыл, задрал голову к небу. От неожиданности все смотрели только на нее и поэтому не сразу обратили внимание на крики со стороны вышки. Когда же пограничники обернулись, то несколько человек, включая и неверующего Михаила, перекрестились. И было от чего. Вместо надоевшего заграничного пейзажа из небольшой деревеньки в несколько фанз, железнодорожной станции и здания пограничного маньчжурского поста с торчащим у его входа низкорослым японским солдатом с винтовкой длиннее его роста перед ними раскинулся огромный грузовой вокзал, за которым различался фантастический, невиданный город, упирающийся домами-скалами в небо. На самой пограничной черте, с только что донесшимся до слуха застывших от неожиданности людей грохотом, валился с непонятно откуда взявшейся железнодорожной насыпи состав. Самое неожиданное было в том, что паровоза видно не было, но, как Михаил заметил, лежащий первым на земле вагон был словно разрезан пополам. Еще один состав экстренно останавливался, стремясь затормозить, но неминуемо проскакивая линию границы, и уже оказался под самой пограничной аркой. С той стороны границы к путям бежали странно одетые люди, а прямо напротив наряда, на внезапно появившемся и резко оборвавшемся необычном покрытии дороги, стояли огромные автомобили, похожие скорее на поезда и легковые лимузины неизвестных марок.

– Господи, что случилось? Откуда это все? – прокричал кто-то сбоку, заставив сержанта прийти в себя.

² В настоящее время – поселок городского типа Забайкальск.

³ Пограничные войска в СССР того времени подчинялись Народному комиссариату внутренних дел.

– Марков, Плотников – срочно за мной, к дороге! Степанов и Иванов с собакой – занять оборону, будете прикрывать на случай провокации, – решение пришло мгновенно, словно Михаил всю жизнь наблюдал такие картины...

Когда трое пограничников с винтовками наперевес подбежали к контрольно-следовой полосе, с той стороны на них с удивлением смотрела собравшаяся толпа странно одетых мужиков и несколько что-то истерично кричавших женщин. Стоящий впереди крупный, совершенно не похожий ни на китайца, ни на японца, накачанный мужчина в необычном синем костюме и брюках из какой-то неизвестной плотной ткани, с опаской посмотрев на винтовки в руках погранцов, крикнул, стараясь держаться позади неведомо кем сделанного обреза:

– Эй, мужики, а че происходит-то? Вы кто и куда погранпереход девалясь?

– Какие мы тебе мужики, морда белогвардейская. И перехода здесь нет, особенно для таких, как ты, – откликнулся Плотников, который до сих пор по-старорежимному гордился тем, что происходит из казаков.

– Плотников, молчать! – резко скомандовал Чаковский и, окинув взглядом собравшуюся за чертой толпу, добавил, стараясь донести до стоящих напротив серьезность своих слов и намерений: – Говорит старший наряда пограничных войск сержант Чаковский! Вы находитесь на границе СССР! Любая попытка незаконного пересечения границы может расцениваться как провокация и будет пресечена вооруженным путем! Прошу всех оставаться на своих местах до прибытия командования.

– Какой, на хрен, СССР? – удивленно уставился на него тот же мужик. – СССР уже двадцать лет как распался, мы все граждане России и хотим вернуться домой! Какое ты имеешь право... – Он сделал шаг и тотчас же остановился, услышав дружный перестук трех передернутых затворов.

Михаил сделал шаг в сторону и поднял винтовку к плечу, целя заводице в ноги. Где-то в толпе что-то истерично закричали несколько голосов. Казалось, столкновение неминуемо, но раздавшийся сзади стук копыт и громкий приказ: «Отставить!» – заставили всех замереть. Михаил бросил беглый взгляд в сторону и с облегчением увидел, что рядом застыло два десятка всадников тревожного наряда во главе с комиссаром заставы лейтенантом Крошем. А с той стороны границы, расталкивая толпящихся, появились несколько вооруженных в неизвестной пятнистой форме. «Похоже, боя не будет», – устало подумал сержант, на всякий случай принимая стойку для стрельбы с колена...

Северный Ледовитый океан. Борт РПКСН «Карелия».

Коваленко Владимир Владимирович, капитан первого ранга, командир РПКСН

Владимир резко проснулся, но вставать не стал. Лежа он попытался проанализировать обстановку, стараясь понять, что же его разбудило. Сейчас вся атмосфера каюты, знакомая до мелочей, все доносившиеся до его слуха звуки были привычны и не несли никакой угрозы. Но буквально секунду назад нечто необычное, угрожающее вырвало его из сна. Он машинально бросил взгляд на часы. Время раннее, но вставать все равно надо. Странно, почему-то вахта молчит, никаких докладов. Неужели ему все приснилось?

Проходя отсеками до центрального поста, капитан внимательно осматривал все окружающее и даже внюхивался в воздух. Как ни странно, все, даже привычный, слегка пахнущий чем-то машинным воздух, прямо-таки твердило, что на борту ничего не произошло.

«Старею, похоже. Вот уже и кошмары снятся. Пожалуй, после этого похода придется рапорт подавать об увольнении», – Владимир привычно повернул ручку, открывая люк, перешагнул через комингс и наткнулся на лейтенанта Кучера с взъерошенным видом несшегося по проходу.

– Так! Товарищ лейтенант, что такое случилось? Вы же вроде на вахте должны быть?

– Товарищ командир, у НК сбой! Штурман просит подняться в штурманскую, – протараторил на бегу инженер электронavigационной группы (ИЭНГ) и скрылся из виду.

Покачав головой: «Все-таки интуиция!» – Владимир поднялся в ЦП. Вахтенные спокойно наблюдали за своими заведованиями, нигде не заметно было ни малейших следов чего-либо необычного. Увидевший вошедшего командира минер, вахтенный офицер капитан-лейтенант Коротин сделал три шага и, подтянувшись, начал привычный доклад:

– Товарищ командир, ПЛ следует курсом... скорость... дифферент... работают обе вперёд по 30, оба борта на пониженных параметрах ЦНПК на МСК, мощность 15 процентов...

– Вольно, Вячеслав Юрьевич. Ничего не случилось, говорите?

– Так точно. Хотя минут десять назад вроде показалось, будто боцман глубину не удержал, нас качнуло, но все сразу прошло.

– Хорошо, продолжайте нести службу. Я пока к штурману.

И командир прошел к рубке, из-за двери которой понемногу просачивалось бодрое начало малого боцманского загиба. Становилось ясно, что у штурманов произошло что-то очень серьезное.

– Александр Сергеевич, что происходит?

– Товарищ командир, подводный крейсер следует курсом... глубина... метров, работают обе по тридцать оборотов, скорость четыре узла, последнее место... – затараторил было штурман, но Владимир сразу прервал процесс вешания лапши на уши.

– Так, заканчивай ерундить. Что там твой лейтенант мне наплел?

– Десять минут назад произошел сбой или возмущения в работе навигационного комплекса, вышли из осреднения каналы ИНС и вроде гидроакустический лаг. На настоящий момент введены в осреднение два канала, ракетная готовность не снималась, но есть сомнения в точности текущего места

– Ракетная готовность не снималась?! – тут Владимир не удержался, слишком уж фантастически выглядел доклад командира БЧ-1.

– Так точно!

– Штурман, ты чего? В маги и волшебники переквалифицировался? Как смог?

– Товарищ командир, вы помните, что перед ходовыми испытаниями, когда со среднего ремонта лодку забирали, я к разработчикам в командировку ездил? Там меня весь месяц дед, который математику для этого комплекса писал, гонял. Вот и научил...

– Так, штурман, хорош хвастать. Из-за чего сбой произошел, выяснил?

– Нет, товарищ командир. Сейчас буду разбираться, но все равно рекомендую подвсплыть и определить место...

– Подвсплыть? Ты забыл, мы в автономке! Меня потом начальники за каждую возможную потерю скрытности драть будут! Ладно, пока разбирайся и точность места пересчитывай. Может, и не придется всплывать. Я в центральном, как разберешься, доложишь.

Азовское море. Траверз г. Мариуполя.

Осипов Сергей, безработный браконьер-предприниматель

«Ночь – самое лучшее время суток летом. Это вам каждый скажет, кто в наших краях хоть пару лет прожил. У нас ведь как, летом, если градусник меньше тридцати показывает – то, считай, холода и близкая зима. А на солнце если, то асфальт плавится на раз-два. Ах, да! Ночь еще чем хороша – море не бликует. Иной раз ведь как бывает: глянешь на гладь морскую, а она, зараза, вся будто огнем пышет – так сверкает. Ну ее в пень. Насмотришься – глаза целый день болят. Разве что спать лечь. Только куда там спать... На Центральном рынке с утра не протолкнешься. А надо рыбу отволочь, на точку сдать, все перевесив не один раз, с «санитаркой» договориться. Как раз до вечера тягомотины. И второй момент, крайне положительный. Ночь ведь для чего? Чтобы спали все. И Рыбинспекция чтобы спала, и экологи, и водная милиция пусть сны видит о взятках неполученных. Конечно, на берегу могут пограничники ждать. Те из породы вечно неспящих созданий, но у них хоть совесть осталась. Много не берут, если не нарываться. Вот если нарвешься, то могут и по ушам надавать. Вон, Андрюха Урусов, тот сразу «расслабляющий» ботинком в пах шарашит и пистолетом по загривку добавляет. Очень способный юноша, что и говорить... Но и с ним договаривались не раз», – Серега Крот, он ведь не первый год в море ходит. Считай, лет тридцать уже при рыбацком деле. К тому же пеленгас вяленный у него получается лучше всех на Песчанке. Каждый знает! А потому особо и не прессуют, но все равно неприятно...

Когда мысли в голове хороводом ходят, работа спорится в разы быстрее. Так, за немудреными рассуждениями, и не заметил, как вторую версту сетки дотрусил. Конец с легким бульком ушел под воду, а Сергей потянулся, распрямляя затекшую спину...

Со стороны украинского берега вдруг вспыхнуло все.словно выросла из моря огненная стена. Выросла и растворилась, разлетелась в невесомые клочки под напором ветра. Резко испортилась погода. А это было очень плохим знаком. Вдобавок ко всему в той же стороне несколько раз подряд ощутимо грохнуло, будто артбатарея залп дала. Ладно, упрямся – разберемся. Главное – в шторм не попасть.

«Прогресс-4» очень хорошая лодка. И тянет до полутонны, и утопить невозможно – пенопластовые накладки удержат на поверхности... Но вот самоотлива нету и в помине, и борта не особо высокие – каждая волна по морде брызгами хлестанет. А значит, надо дергать отсюда, и как можно быстрее!

Грохотать перестало. Он кое-как перелез через наваленные мешки на корму, к мотору. Да, к старенькому «Вихрю» – «тридцатке». А что? Ходит Крот далеко и надолго. Но домой не спешит. Дома жена, три дочки и любовница. Две. А от погранцовского «Калкана» и на «Джонсоне» – «два по сто да полста» не уйдешь. Вот и пользуется проверенным движком. Ровесником старшей дочери. Хрипит, рычит, матом ругается, зато работает. Не подвел движок и сейчас. Правда, отозвался только на третий рывок стартера. Заурчал, затарахтел. Катер ощутимо дернуло вперед. Ну все! Поехали! Как обычно, непослушный катер на первых порах норовил боднуть волну носом, но, чуть разогнавшись, «вышел на редан». А при таком режиме волнение сразу же теряло свою остроту.

На воде никаких следов стены не осталось. Видимо, и вправду показалось от общей задолбанности организма. Но, чем ближе катер подходил к городу, тем все больше нехороших подозрений заползло в душу. И скреблось там острыми когтями. Сразу же в глаза бросилось резкое затемнение Мулякино. Обычно набитый отдыхающими поселок светился днем и ночью, будучи отличным ориентиром при походах «под Россию». Сейчас же на

берегу тускло поблескивал от силы десятков фонарей. А когда катер подошел поближе, то добавился еще один повод для удивления. Нет, блин, даже для изумления. Было очень похоже, что кто-то очень большой взял не менее великанские ножницы. И урезал «Мулякино» раза в три, выбросив к чертям собачьим всю гроздь пансионатов, тянувшихся на добрые пятнадцать километров вдоль берега. А еще Портовского не было почти. Десяток домиков от села, и все. Сергей верующим не был – все же советской закалки человек. Но перекреститься захотелось и молитву какую вслух прочитать. А руки сами делали привычную работу, и катер, оставляя за собой пенистые «усы», шел все ближе к родной Песчанке. Лишь бы она на месте осталась...

Осталась. Не стало гаражей лодочного кооператива, больше не маячили вылезшие прямо на пляж особняки. И волнолом порта словно бы просел на несколько метров вниз. Протерев очки, присмотрелся. Ночь уже почти ушла, и все детали стали достаточно различимы. Нет, не просел волнолом. Просто лишился забора из бетонных плит. И пропала вышка охраны на оконечности.

Неожиданно зачихал мотор. То ли горючка кончилась, то ли снова жиклер забило от паршивого бензина. Впрочем, что совой об пень, что пнем по сове. Канистру в гараже забыл, а в карбюраторе копаться посреди фарватера – последнее дело. Надо доставать весла, ставить уключины в пазы и грести, грести, грести... Наконец нос катера ткнулся в песок. Самое время выпрыгивать за борт и по колено в воде вытягивать резко потяжелевший «Прогресс». Не успел и трех раз проклясть собственную жадность, как сбоку за поручни ухватилось еще несколько рук. Береговые мальчишки на помощь пришли! Ну, святое дело! Такого помощника никак нельзя «хвостом» пеленгаса обделить! Дружными усилиями катер выволокли на берег. Крот плюхнулся на песок, пытаясь перевести дыхание. Не мальчик все-таки, и бессонная ночь позади. Ну ничего, сейчас отдышусь и ребятам спасибо скажу. Так, а куда это они воробьями порскнули?

– Доброго утра! – раздалось вдруг над самым ухом. – Сержант Прокофьев. Предъявите, пожалуйста, документы.

«Блин! Вляпался все-таки. Очки на нос, рукой за пазуху... Оп-па... Что за бал-маскарад?! Вроде как не девятое мая сегодня, чтобы реконструкторы шалили», – перед Кротом оказался именно такой. Синие галифе, белая гимнастерка, фуражка с бирюзовым околышем. Только тут все кусочки мозаики сложились в одну картину...

– Э, гражданин, кончай придуливаться! – затрясли за плечо. – Тоже мне, вздумал сознание терять при виде сотрудника органов! Так, а что это у тебя по карманам такое... – раздалось сквозь вату, заложившую плотной пробкой уши. И как-то совсем отстраненно почувствовалось, как опытная ладонь вытаскивает из нагрудного кармана ксерокопии документов, замотанные в целлофановый пакет.

– Ах ты ж, в бога душу мать, через три перехлеста клюзом поперек! – Неожиданно расплывающиеся перед глазами круги сменились песком, и на зубах мелко и противно заскрипели куски ракушек. Прострелило болью заломленную руку. – Шпион!

В сознании, которое все не могло определиться, уходить ему или возвращаться, всплыли некоторые мелкие детали. Типа надписей по-украински в бумагах на лодку или обозначения «BG-15» на обоих бортах «Прогресса»...

Польша, трасса на подходе к белорусской границе.

Ефим Осипович Фридендер, крупный бизнесмен

Фима был помешан на станках.

Нет, в детстве ничего не предвещало неприятностей. Как всякий еврейский мальчик из хорошей семьи, он занимался музыкой с трех лет, а шахматами с пяти. И очень примерно себя вел. Воспитательницы в детском саду нахвалиться не могли.

Папа говорил с сыном по-английски, мама на иврите, все бабушки на идиш. И лишь благодаря деду Фима знал русский. К шести годам он бегло читал на трех языках. (Идиш не считаем, кому он нужен в конце двадцатого века? Разве что потом немецкий легче учить.) И на всех трех мог без ошибок написать свою фамилию и адрес. И возвести двадцать пять в куб за время сидения на горшке в детсадовском туалете. Заметим, что Фима жил на улице имени Серго Орджоникидзе и носил фамилию Фридлендер. И то и другое не всякий взрослый напишет без ошибки даже на одном языке.

А поскольку умудренный жизненным опытом папа закономерно боялся, что любимого сына, умненького, но маленького и толстенького, будут бить в школе, Фиме в четыре года пришлось познакомиться с самбо. К великому ужасу мамы: «Учить драться!!! Фима же приличный мальчик! Он же играет на скрипке и будет вторым Давидом Ойстрахом или Ицхаком Перельманом».

Как папе удалось добиться, чтобы четырехлетку приняли в секцию, и как тренер умудрялся работать с ним, без единого спарринг-партнера в хотя бы близкой весовой категории, — тайна, покрытая мраком.

Но уже через два года не только ровесникам, но и пацанам на пару лет старше связываться с Фимой не стоило. Заодно он перестал быть толстеньким, хотя маленьким и умненьким так и остался.

А еще через год первоклассник Фима увидел в кабинете труда сверлильный станок (ручной, еще дореволюционного выпуска, тот самый «Станокъ Феникса»). И пропал для окружающего мира.

Скрипка (Фимочка, тебе же прочат великое будущее, шо ты сибе думаешь?!) была заброшена. Шахматы (у тебя уже второй разряд! Ты же почти Ботвинник!) тоже. Школьная программа Фиме не была нужна до третьего класса минимум, хотя посещать школу все равно приходилось. Домашние задания мальчик приспособился делать под партой во время следующего урока. Учителя этого демонстративно не замечали. В конце концов, ученика лучше в школе не было.

Фима попытался бросить и самбо, но тут уже вмешался папа. В отличие от жены Фридлендер-старший не только хорошо знал, чего хочет, но и умел этого добиваться.

Все остальное время мальчик пропадал в мастерской. Кроме «сверлилки» там были еще токарный и фрезерный. К концу первого класса Фима был в состоянии изготовить на них все, что только можно было сделать на этих развалюхах в принципе. Заодно научился смазывать и ремонтировать сами станки. Ибо ремонтировать их приходилось регулярно. Возраст неблагоприятно сказывается не только на людях.

В начале второго класса трудовик взял его на экскурсию к шефам, на завод имени все того же Орджоникидзе. Экскурсия предназначалась для восьмиклассников, в рамках профориентации, но отказать Фиме педагог не мог. У ребенка прорезались фамильные фридлендеровские черты: он знал, чего хочет, и умел этого добиваться.

Экскурсия Фиму поразила! Станки, на которых делают станки! Его место здесь! О чем он вечером и заявил родителям. Мол, в школе делать все равно нечего, надо бросать и идти устраиваться на завод.

Когда маму отпоили валерианкой, состоялся семейный совет, на котором железный характер Фридлендера-старшего впервые нашел себе достойного противника. В итоге был папой предложен компромисс: Фима продолжает ходить в школу, продолжает заниматься самбо, возвращается в шахматы, начинает дополнительно изучать французский и вечерами, под руководством мамы, берет в руки скрипку. Взамен папа обеспечивает ему допуск на

завод и хорошего наставника, а в дальнейшем не препятствует поступлению в станкостроительный институт, а не в медицинский или юридический, как того хочет снова начавшая коситься на валерьянку мама. Известие о существовании станкостроительного института поразило Фиму настолько, что примирило даже со скрипкой. Только французский категорически заменил на немецкий, потому что лучшие станки делают в Германии, а там говорят на немецком. Что логично.

Каким образом преподаватель медвуза добился для ребенка пропуска на режимное предприятие – еще одна семейная тайна Фридлендеров. Но все обязательства обеими сторонами были выполнены тик-в-тик.

К десятому классу рацпредложений у Фимы было больше, чем у всех рабочих завода, вместе взятых. Он уже точно знал, на какую конкретную должность на родном предприятии должен попасть. То, что на завод евреев не брали в принципе, волновало его мало. Вообще не волновало, если честно. Это было проблемой завода. До исполнения мечты оставалось долгих шесть лет...

Призы на олимпиадах всех уровней по математике, физике, немецкому и английскому языкам, золотая медаль школы, мастерские звания по шахматам и самбо, персональный концерт в филармонии и красный диплом Станкина, полученный летом девяносто второго года.

Не то чтобы Фима вообще не заметил перестройки. Просто не обратил на нее особого внимания, еще в школе приспособившись читать книги по сопрамату, не отвлекаясь на монотонное бормотание политинформатора.

К тому же именно в эти годы к уже имевшимся Фиминым занятиям прибавилось новое увлечение, мгновенно развившееся от первых робких вечерних поцелуев в подъезде до уверенных утренних на диване. В этом вопросе Фима тоже оказался совсем не промах, из-за чего сильно выросли объемы практики по самбо. Впрочем, то, чем занимался Фима в это время, назвать самбо, даже боевым, можно было очень условно.

Единственное, на что он обратил внимание, так это на развал Союза, и то только потому, что отец, услышав по ящику о беловежских соглашениях, впервые в жизни выматерился при жене и сыне и произнес:

– А вот теперь, Галка, похоже, и вправду пора линять.

В отличие от жены, Осип Вениаминович к самой идее эмиграции относился очень плохо. Поэтому эта фраза в его устах прозвучала особенно зловеще. Тем не менее никто никуда не поехал.

В августе тысяча девятьсот девяносто второго года Ефим Фридлендер стоял перед воротами завода. На завод теперь не брали не только евреев. На завод не брали никого. Завод стоял. Его продукция перестала быть нужной. Станки, на которых делались станки, ржавели под ветшавшими крышами цехов. Рабочие разбежались. Инженеры ушли торговать сникерсами, одеждой и спиртом «Рояль». Директор организовывал акционерное общество, выбирая между последующей продажей контрольного пакета акций и раздачей помещений в аренду. И мечтал побыстрее оказаться с вырученными деньгами как можно западнее.

Цель Фиминой жизни умерла вместе с Советским Союзом.

Но никогда бы не стать Фиме Ефимом Осиповичем, не будь он Фридлендером. Из случившегося Фима сделал два вывода: «Есть СССР – есть станки, нет СССР – есть бардак» и «Свое счастье надо ковать своими руками не отходя от кассы». Раз для него на родине нет завода, он его построит лично. И именно в России, а не в Израиле, Германии, Канаде или тем более Америке (Штаты Фима не любил изначально нелюбовью крайне иррациональной, разумных объяснений не имевшей). Причем завод будет такой, какого нет ни у кого и нигде! Но для этого нужны были деньги. Много денег!

Следующие восемнадцать лет Фима делал деньги. Автосервис, торговля машинами и стройматериалами, собственная биржа, банк... Он был жесток. Очень жесток. Временами

даже жесток. Конкуренты убивались любыми методами. Бандитские авторитеты Москвы не то что не «кидали предьяв», они очень уважали (читай – смертельно боялись) Фиму. Слабых мест у Фридлендера не было, родители в девяносто третьем перебрались-таки в Израиль, а одну женщину из всех любвеобильный Фима так и не выбрал. Впрочем, откровенным криминалом Фима не занимался принципиально, как и политикой. По одной и той же причине: не хотел в тюрьму.

В две тысячи шестом Фима уехал в Германию и три года не вылезал с крупновских предприятий и заводов небольших станкостроительных фирм. Деньги и семейный характер открывали любые двери. К марту две тысячи десятого года Фима (какой, к черту, Фима! Ефим Осипович Фридлендер, крупный бизнесмен и уважаемый человек. Владелец небольшой, но очень солидной фирмы в Люксембурге, а не на каком-нибудь Кипре, гражданин РФ и Израиля, солидный акционер одного из израильских банков) получил на руки проект завода. Выкупил производственные корпуса в Подольске. В Германии заказал и оплатил лично отобранное оборудование. Большую часть времени проводил в воздухе между Москвой и Берлином, успевая контролировать как реконструкцию корпусов, так и изготовление станков.

И вот час настал. Во главе вереницы фур Фима подъезжал к границе Белоруссии. Фуры везли завод. Весь! Вместе с необходимым персоналом для монтажа оборудования, в двух комфортабельных автобусах. Проще и дешевле было отправить его по частям, но Фима хотел устроить себе праздник. Границу бывшего Советского Союза он должен был пересечь ровно в полчетвертого утра двадцать второго июня, в день и час Фиминого сорокалетия. Юбиляр лично вел головной джип охраны. Еще один такой же джип ехал следом за ним, а два замыкали колонну. Польский полицейский, решивший проверить Фимины документы в пяти километрах от цели, сам того не желая, сделал большой подарок перенесенному СССР – к границе Фима подъехал уже после События...

Литва. Полевой лагерь 1-го батальона 62-го стрелкового полка.

Сергей Громов, лейтенант

Нудно тянется время для дежурного по батальону. Днем этого незаметно, мелкие вроде бы дела отвлекают постоянно, а вот ночью каждая секунда тянется как часы. Доступных развлечений всего два – это борьба с комарами да еще со сном. Причем борьба со сном тяжелее, чем с комарами. По совету хозяйственного старшины Тюкалова, вечером палатку обкурили, оставив в ней на полчаса тлеть какую-то подобранную самим старшиной травяную смесь, поэтому теперь комары появлялись внутри, только сильно заблудившись или с большого бодуна.

Сергей встал, потянулся и завистливо покосился на спящего старшину. Спит как ни в чем не бывало, ни огонь трехлинейной лампы, ни передвижения самого лейтенанта и сидящего неподалеку разводящего ему нисколько не мешают. И спать ему еще примерно час, прикинул, зевая, лейтенант. Самому тоже спать хотелось неимоверно. Наступило то самое предрассветное время, когда даже самые стойкие часовые клюют носом, а сидящие дремлют с открытыми глазами, не замечая ничего вокруг. Время, которое его друзья детства из далекого теперь Нижнеудинска называли «часом между волком и собакой». Посмотрев на клюющего носом разводящего, лейтенант вышел из палатки на свежий воздух и огляделся. Да, небо уже начинало светлеть. Стоящий на посту боец Черемисов, заметив начальство, встрепенулся, придавая себе бравый вид. Лейтенант открыл рот, чтобы позвать разводящего, и в это мгновение грохнуло. Нет, не просто грохнуло, ЗАГРОХОТАЛО.

Вокруг словно выросли огромные кусты. Над головой ошеломленного лейтенанта что-то просвистело. Черемисов вдруг взмахнул руками и, бесшумно открывая рот в беззвучном, неслышном на фоне всеобщего грохота крике, упал. Из образовавшейся на месте носа дыры вдруг необычно медленно, словно в кино, когда пленку неожиданно заедает, плеснул черный фонтанчик, заливая лицо. Лейтенант стоял, оцепенев и пытаясь осознать случившееся, когда выскочивший из палатки Тюкалов сбил его с ног. Земля, на которую они упали, тяжело тряслась. Грохот затих, и Громов вдруг услышал пронзительный человеческий вой. В нем было столько боли, что Сергей невольно содрогнулся.

– Лейтенант, очнись! Война это! – прорезался в ушах крик старшины.

– Караул, в ружье! Разводящего сюда! – среагировал Сергей, но, увидев лицо старшины, вдруг ясно осознал, что ни разводящего, ни лежащего неподалеку Черемисова уже не поднять никому.

Выскочивший откуда-то сбоку, словно чертик из табакерки, старший лейтенант Михеев поразил Громова своим видом – грязный, словно его специально валяли в луже, с большой дырой на правой стороне гимнастерки, рот, искаженный в гримасе-улыбке – он был совершенно не похож на себя обычного.

– Лежите? Ну, ничего, главное – живы. Лейтенант Громов, – скомандовал он, – быстро собирай третью роту, бери уцелевшую сорокапятку и шуруй в опорный пункт. Займешь правый фланг. Старшина, – стоящий, как только сейчас заметил Сергей, с сапогами в руках Михаил вытянулся по стойке «смирно», – обуваешься, снимаешь уцелевших часовых и принимаешь командование над минометчиками. С ними – на позиции. Выполнять! – прикрикнул Михеев, видимо заметив колебания лейтенанта и добавил: – Комбат и политрук убиты, средних командиров всего пятеро осталось, про бойцов вообще лучше не спрашивайте. Понятно?

– Есть! – дружный ответ подчиненных донесся уже до спины Юрия, устремившегося куда-то внутрь палаточного городка, вернее, того безобразия, которое появилось на его месте после огневого налета.

Следующие полчаса пролетели для Сергея незаметно. Привычные командирские хлопоты, помноженные на общий бардак после внезапного обстрела, приглушили тяжелые впечатления от впервые увиденных человеческих страданий и кровавых картин – истинного и совсем не героического лица любой войны.

Через полчаса уцелевшие красноармейцы третьей роты, подгоняемые Сергеем, подбегали к заранее вырытым окопам, когда с неба донесся странный завывающий гул.

– Воздух! Самолеты противника! – крикнул кто-то. Необстрелянные солдаты остановились, задние давили, и образовалась своеобразная куча-мала. Кто-то упал, гроыхнула выпавшая из рук винтовка. Постепенно образовывалась неуправляемая толпа. Сообразив, Громов закричал изо всех сил, чуть не сорвав глотку:

– Что встали?! Вперед! Не скапливаться, по окопам, кто не успевает – ложись, прекратить движение! Сейчас бомбить будут!

Его команды подхватили уцелевшие сержанты, бойцы стали разбегаться в разные стороны и ложиться, кое-кто прыгал в окопы. Ездовой противотанковой пушки, сообразив, направил запряжку чуть в сторону. Подскакивающая на кочках сорокапятка в несколько мгновений буквально долетела до ближайшего пулеметного окопа. Артиллеристы быстро, в одно неуловимое движение, отцепили пушку и закатили в окоп, ездовой погнал коней к ближайшим кустам...

В этот момент с неба раздался страшный, все усиливающийся вой.

Сергей, успевший заскочить в ближайшую траншею, поднял голову. Ведущий бомбардировщик с пронзительным ревом падал, как показалось Сергею, прямо на его окоп. И будто тяжелый пресс начал втискивать тело в землю. Самолет рос на глазах, увеличиваясь в разме-

рах, его высокий нарастающий вой набирал все больше силы и делался нестерпимым. Сергей отчетливо видел человеческую фигуру в застекленном носу и голову летчика в кабине. От брюха самолета отвалилось несколько круглых предметов, быстро устремившихся вниз. «Это же бомбы!» – внезапно сообразил Сергей...

Самолет, показав на серовато-голубых крыльях черные кресты в белых угольниках, вышел из пике и взмыл вверх. А вместо него уже падал вдогонку свистящим бомбам второй. Сергей непроизвольно упал на дно окопа и сжался в комок. Вокруг загрохотало с такой ужасающей силой, что на какие-то мгновения он будто окунулся в небытие, ощущая при этом ворвавшийся в окоп горячий и смрадный вихрь.

Прошла, казалось вечность, пока Сергей, опомнившись, поднялся и выглянул из окопа. Но, к его удивлению, в небе еще пикировал четвертый самолет из, как он вдруг мгновенно сосчитал, налетевшей девятки. Внезапно в голову пришло решение, и он опять, надсаживая глотку, закричал:

– Внимание!.. Слушай мою команду! По воздушной цели!.. Прицел три!.. Упреждение один корпус! Залпом! Пли!

К его удивлению, сквозь вой самолетов и грохот разрыва очередной бомбы до него донеслись слабые отзвуки команд: «Пли!» Залпа не получилось, но вначале жидко, а потом дружнее затрещали выстрелы. Зататакал где-то один пулемет, за ним – второй. Пикировавший самолет, тут же поспешив сбросить бомбу, с отворотом вышел в пике и набрал высоту, причем за ним, тая в воздухе, потянулась тоненькая черноватая дымка. Оставшиеся три не успели перейти в пикирование, когда откуда-то сверху, треща пулеметами, на них свалился небольшой, кургузый истребитель с красными звездами на крыльях. Один из пикировщиков вдруг резко клюнул носом и, непрерывно ускоряясь, начал валиться прямо на окопы.

Успев крикнуть: «Прекратить огонь, ложись!» – Сергей снова упал на дно окопа и, обхватив руками непокрытую голову, изо всех сил вжался в дно траншеи. И будто бы оказался в центре землетрясения, сопровождаемого превосходящим даже ранее услышанное грохотом...

Когда он, отряхивая с себя крошево земли и мучительно вспоминая, куда же делась его фуражка, поднялся и, слегка пошатываясь, двинулся по траншее к стрелковым ячейкам, впереди раздались крики:

– Немцы! Противник с фронта!

Подбежав к пустой ячейке, лейтенант поднял неведомо как попавший в руки и чудом уцелевший при бомбежке бинокль. Впереди, не торопясь и не развертываясь в боевой порядок, словно не опасаясь никакого сопротивления, шла колонна пехоты. Впрочем, Сергей сразу заметил, что впереди, примерно метрах в пятистах от окопов и в километре от колонны, движется цепью около взвода пехоты в непривычных, мышиного цвета мундирах.

– Приготовиться к отражению атаки! – крикнул Громов скорее по привычке, чем ожидая какого-либо ответа. К его удивлению, справа и слева его команду продублировали чьи-то голоса, а через минуту к нему подбежал боец и, отдав честь, что выглядело несколько комично, так как из траншеи он не высывался, доложил:

– Товарищ лейтенант, орудие к ведению огня по колонне готово, старшина Иванчук спрашивает когда?

– Дождитесь, когда я прикажу открыть огонь пулеметам, и начинайте!

– Есть!

Едва боец скрылся за углом траншеи, как немцы несколько раз выстрелили. Пуля просвистела над головой, но Сергей даже не пригнулся, продолжая наблюдение. Наконец он прикинул расстояние до ближайшего ориентира и крикнул:

– Прицел три, роте и ручным пулеметам по головному дозору, станковым пулеметам по колонне, огонь!

Северный Ледовитый океан. Борт РПКСН «Карелия».

Коваленко В.В., капитан первого ранга, командир РПКСН

Войдя в центральный пост, Владимир сразу дал команду осмотреться в отсеках, подспудно ожидая, что какая-нибудь банальная причина неисправности все же найдется. Не торопясь, словно дополнительно контролируя обстановку, он прошелся по посту, ожидая доклада от связистов. Подошло, наконец, время сеанса связи. Томительно протянулась минута, две... доклада все не было. Коваленко не выдержал:

– Связь! У вас там что, колхоз? Где доклад? Что с сеансом?

– Товарищ командир, докладывает командир БЧ-4, аппаратура в строю, но сигнала на БАУ⁴ не наблюдаю. Рекомендую всплыть и принять промежуточный сеанс со спутника.

– Объявляйте тревогу на всплытие. – Капитан с непроницаемым лицом уселся в свое кресло. Невозмутимый вид вполне соответствовал внутреннему состоянию Владимира. Он с пугающей ясностью осознал, что практически единственной реальной причиной может быть только глобальный ядерный конфликт. Этот вывод моментально снял все поводы для волнения, так что теперь командир, внимательно наблюдая за действиями подчиненных, спокойно, словно автомат, обсчитывал возможные причины и варианты действий, задавив любые мысли об уехавшей к своим родственникам на пару недель жене, о дочери, о престарелой матери, одиноко доживающей дни в Челябинске.

– Есть! Учебная тревога!

Гулкий голос вахтенного инженер-механика прокатился по отсекам. Стальной левиафан начал оживать. По лодке словно пронесся вихрь. Отдыхавшие матросы, мичманы и офицеры вскакивали с постелей и, на ходу одеваясь, заученными за время службы маршрутами устремлялись в свои отсеки. Наконец все успокоилось, стоящие у своих постов люди внимательно вслушивались в тихо фоновые динамики внутрикорабельной трансляции. Наконец крайний отсек доложил о готовности к бою. Потянулись доклады боевых частей.

– Выполнены мероприятия по готовности к старту десять минут. Выполнены меры безопасности при всплытии. Прослушан горизонт, рекомендованный курс всплытия... – доложил командиру старпом.

– Всплывать на глубину десять метров с дифферентом три на корму. Иметь ход пять узлов.

– Есть. Пульс, держать... оборотов, – отозвался механик.

– Есть всплывать на глубину десять метров с дифферентом три на корму, – отрапортовал боцман. – Всплываем, шестьдесят... пятьдесят... сорок... двадцать... Есть перископная!

– Поднять перископ, осмотреть горизонт и воздух.

– Осмотрены горизонт и воздух. Горизонт и воздух чисты!

– Поднять антенны связи, радиоразведки, астрокорректор, УДК, открыть вахту в радиосетях, определить место, пополнить запас ВВД.

– Товарищ командир, – спустя пару минут отозвался связист, – открыта вахта в радиосетях, есть связь со спутником. Но КП флота молчит, на частотах главкомата тоже ничего! КП МСЯС молчит! Сеанса связи нет! Перехвачены позывные радиостанции, э-э... «Коминтерн»... в Москве, и метки времени по Москве!

⁴ Буксируемое антенное устройство.

– Так, принято! Штурман место взял? Отлично! Боцман! Погружаться на глубину двести метров, опустить выдвижные! Закрывать вахту в радиосетях, – лодка, на какие-то минуты глотнувшая морозного воздуха открытым зевом УДК, устремилась обратно в пучину.

– Глубина двести метров, – доложил боцман.

– Иметь минимально малошумную скорость.

– Есть! Скорость три узла!

– Так, играйте отбой, комбатов ко мне в салон, – произнес тихо Владимир и вышел из центрального.

– Отбой учебной тревоги! Второй боевой смене заступить! Командирам боевых частей, начальникам служб, оперуполномоченному ФСБ прибыть в салон командира!

Пока все собирались, Владимир неподвижно сидел во главе стола и только все больше мрачнел, наконец, когда все собрались, он начал:

– Согласно имеющимся указаниям⁵ в случае отсутствия связи в течение суток и наличия угрозы начала боевых действий мы имеем право на самостоятельный запуск ракет. Однако сигнала о наступлении «особого периода» мы не получили. – Командир внимательно посмотрел на подобранных офицеров. Особист, усевшийся в углу, незаметно для остальных одобрительно кивнул. – Но по показаниям НК и по мнению командира БЧ-один, на нас совершено либо нападение с применением ядерного оружия, либо произошел глобальный природный катаклизм. Я склоняюсь ко второму варианту, учитывая наличие спутников связи. В глобальной войне их бы сбили первыми. Поэтому я решил... – Владимир слегка, практически незаметно для глаза, замялся, – я решил сначала выслушать ваши рекомендации, по линии ваших боевых частей, а потом принять окончательное решение. Командир БЧ-один? Ну, ваше мнение почти понятно...

– Есть, товарищ командир. Место я определил, нас унесло почти к территориальным водам. Если ляжем на грунт, дно позволяет, то можем так лежать долго, и для стрельбы ракетами уточнять место не понадобится, и всплывать будет не надо... и супостат нас не найдет. Ракетную готовность обеспечу.

– БЧ-два – вы?

– Думаю, что все же это война, товарищ командир. Нам нужны только данные штурмана и энергия, к стрельбе будем готовы. Готов вскрыть пакеты с шифрами разблокировки...

– БЧ-три?

– Война, товарищ командир... А в остальном – мы готовы.

– БЧ-четыре?

– Также рекомендую лечь на грунт, но для того чтоб подвсплыло БАУ. Московская радиостанция же работала. Я на эту антенну смогу принять сигнал, может быть, дадут новости в эфир. Вдруг действительно какой катаклизм, а мы тут миллионы поворотом ключа уничтожим!

– Поддерживаю, командир, – первым, почти не задумываясь, ответил замполит. Немного подумав, утвердительно ответили командиры боевых частей пять и семь, начхим, доктор, последними – старпом, капитан второго ранга Юрий Юрченко, и особист.

– Что же, раз так решили – всем по постам. Вам, Юрий Юрьевич, сейчас руководить покладкой на грунт. – Присутствующие один за другим вставали и выходили из салона. Когда у двери остался заместитель по воспитательной работе, Владимир добавил: – Глеб Иванович, обязательно ознакомьте команду с ситуацией и нашими дальнейшими действиями. – И тут же он обратился к неторопливо поднимающегося со своего места особисту: – А вас, Олег Николаевич, я попрошу задержаться.

⁵ Указания, конечно, не такие, и процесс разблокировки выглядит иначе, но секретность есть секретность.

Словно ожидавший этого, оперуполномоченный ФСБ неторопливо, но тщательно прикрыл полуоткрытую дверь и, развернувшись, сел напротив командира.

– Олег Николаевич, вы понимаете, что мы сейчас находимся в очень сложном положении? – начал Владимир, внимательно следя за реакцией сидящего напротив. – Резкое исчезновение связи на боевом дежурстве... внушает серьезные подозрения. Прошу вас внимательно проверить этот вопрос. Может, это все же проблемы с матчастью связи? Как раз ваша работа. Вы не хуже меня знаете, что по инструкции при отсутствии связи я обязан привести корабль в боевую готовность и ввести коды целей и запуска. Но спутники-то свидетельствуют о мирном периоде. Вам ничего не известно... по вашей линии?

– Нет, Владимир Владимирович, ничего. Не думаю, что командование могло бы оставить нас в неведении. Поэтому считаю ваше решение единственно правильным. Разрешите идти?

– Идите, – командир выглядел слегка разочарованным, но в то же время на его лице явственно можно было разглядеть облегчение. Нет, стать человеком, в мирное время уничтожившим Нью-Йорк, Лондон, Париж и так далее, нужно подчеркнуть, ему вовсе не улыбалось, несмотря на весь боевой настрой.

– Прорвемся, товарищ командир, – добавил на прощание особист и, четко развернувшись, вышел из салона. Теперь оставалось только ждать. Ждать либо сигнала, либо... Ждать, успокаивая себя и пережигая тонны нервных клеток. Нет ничего хуже, чем ждать и догонять – говорит пословица, и командиру ракетного крейсера стратегического назначения предстояло испытать ее правоту на собственной шкуре.

Маневр покладки на грунт окончился штатно, старпом не подвел, и весь корабль замер в ожидании вестей с Родины. Наконец молчание прервалось докладом из рубки связи.

– Центральный, появился сигнал радиостанции «Коминтерн», идет прием информации.

– Рубка, докладывайте! – Поднявшийся командир чуть не спрыгнул с кресла.

– Товарищ командир, докладывает капитан-лейтенант Пархоменко! – Выведенный на динамик голос заставил всех встрепенуться. – По результатам радиоразведки мы наблюдаем нечто странное. Количество голосовых передач на русском очень мало, перехваченная единственная радиопередача... – Пархоменко замолчал, напряженно дыша.

– Что там, не тяните, – недовольно заметил Коваленко, оглядывая напряженные лица собравшихся в ЦП.

– Слушайте сами, – наконец выдал из себя Пархоменко, – мы ее записали... – и включил трансляцию. – И еще... Передачи на остальных языках отличаются от передач на русском. Они по-прежнему о новостях две тысячи десятого.

В отсеке воцарилась напряженная тишина.

– Либо наша аппаратура от этого удара окончательно вышла из строя, либо наши доблестные маркони дружно бредят, или на берегу кто-то остро пошутил, – выдал свой вердикт Дойников.

– А вы не рассматриваете четвертую возможность? – Стоявший до того в стороне сотрудник особого отдела капитан Горошков посмотрел на обернувшихся к нему офицеров и продолжил: – А если вместо Российской Федерации действительно СССР сорок первого года?

– Нет, Олег Николаевич, я, конечно, понимаю, что вы увлекаетесь фантастикой, но мы находимся в реальном мире, – ответил особисту командир и впервые за все это время улыбнулся.

Подмосковье. «Ближняя дача».

Иосиф Виссарионович Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР

– Товарищ Сталин, – негромкий голос Власика заставил вождя встрепенуться и, побряхывая негромко (где мои семнадцать лет), натянуть сапоги. Спал он не раздеваясь, вернее, даже не спал, а так – прилег на диванчике.

– Война? Нэмцы? – давно ожидаемое, то, о чем думалось постоянно, невольно вырвалось в первую минуту полусна-полуяви.

– Никак нет, товарищ Сталин. Точнее, да, вы правы. Провокация в Прибалтике, обстреляны пограничные районы. Поступили донесения о боестолкновениях с Дальневосточной границы. Потеряна связь с Белостоком, штабом десятой армии и штабами некоторых других частей в ЗапОВО и КОВО. У телефона товарищ Тимошенко.

– Понял. Вызывайте товарищей Маленкова, Молотова и Берию, готовьте машину, пока я буду говорить с военными. – Уже окончательно проснувшийся, Иосиф Виссарионович выглядел абсолютно невозмутимо, и только слегка, практически незаметно, дрожащие руки выдавали его волнение.

г. Мариуполь.

А.Е. Огурцов, лейтенант,

уполномоченный РКМ НКВД

Машину из «главка» пришлось ждать долго. Почти два часа прошло с того момента, как умчался в порт гонец, выбранный Прокофьевым среди зевак. Звонок с проходной переполошил весь отдел, но, как обычно бывает в воскресенье, все пошло наперекосяк. Сначала не могли найти ни одного водителя. Начальник гаража и подумать не мог, что ранним воскресным утром может понадобиться транспорт, поэтому отпустил дежурную смену домой. Потом форсистая «эмка», полученная всего год назад, намертво заглохла, и для ее запуска потребовался бы не один час половицких плясок в исполнении механиков. Лейтенант, плюнув на все, уже собирался идти пешком, благо идти часа три, не больше. Глядишь, и попутка какая подбросит. Наконец, растревоженная «кривым стартером», прокрутившим все нутро, ожила полуторка. Чертыхаясь и проговаривая про себя «малый боцманский», лейтенант запрыгнул в тесную кабину, предоставив группе кузов. Ровно через полтора часа они сумели выехать за ворота отдела...

До самого места происшествия, от дороги, естественно, добираться пришлось пешком. Старая потертая полуторка больше по шоссе ездить приспособлена. Песчанка не зря так зовется. Все засыпано. Пески, конечно, не зыбучие и Сахаре по всем показателям уступают. Но с дороги свернешь, через два метра машина на брюхо сядет. Придется лопатой махать и с бортов доски скручивать, чтобы под колеса просунуть. Так что, будь ты даже начальник УНКВД УССР, и то ножками пойдешь, а уж если ты только лейтенант народной рабоче-крестьянской милиции, то тем более...

При виде подъехавшего пополнения местные поспешили рассосаться. А то возьмут на карандаш, назначат свидетелем и доказывать потом, что ты не Хищенко⁶. Осталась лишь парочка самых любопытных. На полдороге лейтенант остановился, пропуская вперед подчиненных. Снял фуражку, вытерев вспотевший лоб. Вдумчиво оглядел место происшествия, заранее прикидывая, что к чему и с чего начать. Основой, так и притягивающей взгляд, была, конечно, лодка. Вернее, даже маленький катер, метров пять с хвостиком в длину, обводами неуловимо смахивающий на миноноску. Только очень маленькую. В Мариуполе даже сторожевики не базировались, но Огурцов родился в Севастополе, и в хищных обводах боевых кораблей разбирался неплохо. Еще в катере грудился чуть ли не с десятков мешков, все в крупной чешуе, различимой даже издали.

Возле лодки, прямо на песке, лежал человек. Судя по неестественной позе – мертвый. В комбинезоне, похожем на танкистский, такой же синий и замасленный. А возле катера нарезал круги милицейский сержант с «наганом» в руке. Зачем ему «наган», лейтенант так и не понял. Но, решив раньше времени голову не забивать, пожав плечами, продолжил путь, загребая песок сапогами. Сержант, разглядев новоприбывшего, тут же помчался навстречу, попытавшись чеканить шаг по пляжу, но, сообразив, как глупо это выглядит на песке, прекратил после третьего же шага. «А что, молодец, соображает. Ладно, чтобы не расслаблялся, нажмем малость. Брови в кучу, лицо посуровей, в голос металла».

– Лейтенант Огурцов. Докладывайте, товарищ сержант. Кого вы тут так поймали, что он при задержании окочурился?

– Товарищ лейтенант! – Вытянулось лицо у сержанта. – Я ж его и пальцем не тронул! Руку на захват взял, как в школе милиции показывали, и все! Только он посинел, задержался и помер!

– Вижу, что помер, – хмыкнул лейтенант, косясь на «шпиона». Эксперт-криминалист Федя Сергеев уже сфотографировал тело в куче ракурсов и теперь пытался перевернуть усопшего на спину.

– А скажи-ка мне, сержант... – Огурцов выбил из пачки две папиросы, протянул одну милиционеру, вторую закурил сам. – Почему ты решил, что он – шпион? Может, просто рыбак? К тому же сам посмотри, – лейтенант кивнул на труп. – Он же древний, как бивень мамонта. Кто в здравом уме будет его отправлять? Он же от старости рассыплется.

Судя по решительному лицу, сержанта тоже посетили подобные мысли, и он отважно бросился в наступление, размахивая руками:

– Так старый вражина, матерый! Я как увидел, сразу понял, что шпион! А он меня заметил, так сразу руку за пазуху, за пистолетом! А как я его – хват, пистолет уронил! Его волной и унесло! А документы я нашел, товарищ лейтенант! Они еще в целлулоид замотанные были... – И сержант протянул Огурцову злополучные бумаги.

Лейтенант наскоро пролистал врученное. Скверные фотокопии непонятно чего. Еще и напечатано все по-украински. С апострофами и прочими буквами, перекочивавшими чуть ли не из церковно-славянского. Написанное Огурцов понимал, не все, конечно, но большую часть. На курсы в далеком тридцать втором ходил ведь исправно, кое-что в голове засело до сих пор. Язык не удивлял. Удивляли печати с трезубцами. «Националисты украинские?» – мелькнула шальная мысль. Впрочем, почему шальная? Действительно, многое подходит под эту версию. Что старый, так, может, прав сержант, и враг матерый. С Петлюрой еще начинал, к примеру, или с батькой Махно. Ну а документы в корень негодные, так это в качестве опознавательного знака. «Рабочие», которые проверку пройдут, должен был связник принести, а его сержант спугнул. Прошерстить местных? Надо на заметку взять данный вопрос и не забыть «соседей» поставить в известность. «Петлюровцы» как раз по их профилю. Непо-

⁶ Капитан порта, в 1937-м расстрелянный. За дело.

нятно только, к чему такая экзотика? И такой приметный катер? Лейтенант достал из кармана финку и царапнул по борту. Осталась глубокая царапина серебристого цвета. Действительно, кольчугалюминий⁷. .. Интереснее все получается и интереснее. Еще и мешки с рыбой. Зачем столько? Если хотел рыбаком прикинуться, и одного хватило бы. Интересы ради лейтенант полоснул ножом по натянувшемуся боку мешка из какого-то странного материала. Мешок с радостным треском лопнул, и на лейтенанта уставилась рыба голова. Нет, скорее морда, если даже не мордища. . .

– Товарищ лейтенант, а мне тут как? – забеспокоился сержант. Еще бы не беспокоиться. Все содержимое катера, чуть ли не под метелку выметенное, загрузили в грузовики. Лейтенантскую полуторку и второй «газик», взятый в Управлении порта «напрокат». – Вы уедете, а мне чего? Сидеть, катер сторожить?

– Ну да, – сделал вид, что не понял вопроса, Огурцов. – Тебе, товарищ сержант, приказываю сидеть и сторожить катер. Курить, так уж и быть, на посту разрешаю, – заметив, как сереет лицом сержант, со смехом добавил: – Я на судоремонтный отзвонился, обещали после обеда буксир подогнать. Как заберут – в отдел зайдешь. Рапорта писать будем.

– Так точно, товарищ лейтенант. . .

Восточная Пруссия – Польша.

Ганс Нойнер, унтерштурмфюрер СС, дивизия «Мертвая голова»

Утром двадцать второго унтерштурмфюрера Ганса Нойнера волновали огромные проблемы, в количестве двух штук. Первая заключалась в том, что его командир, гауптштурмфюрер Фриц Кнохляйн, вместе с командиром батальона, с утра пораньше, сразу после зачитывания приказа о войне против СССР, убыл в штаб полка, оставив его старшим по роте. Вторая логически вытекала из первой – оставшись во главе своего подразделения в гордом одиночестве, Ганс должен был руководить ротой. Конечно, дивизия находилась в резерве и особых проблем не ожидалось, но унтерштурмфюрера томило некоторое нехорошее предчувствие. Почти как во Франции перед приказом о расстреле англичан. И как всегда, не обмануло. Не успел командир роты вернуться, как Ганса вызвали к подъехавшей машине, из которой вышел не кто иной, как начальник штаба дивизии – штандартенфюрер Хайнц Ламмердинг. Незапланированное присутствие начальства, как известно, в подавляющем большинстве случаев является предвестником неприятных известий. Вдобавок на лице начальника штаба было нарисовано такое неудовольствие, что сердце Ганса екнуло. Вскинув руку в приветствии, Нойнер бодро отрапортовал о том, что за истекшее время в роте никаких происшествий не произошло, личный состав отдыхает. Ламмердинг, выслушав стандартную скороговорку рапорта, спокойно кивнул, словно сдерживая свое плохое настроение, и уточнил, где находится командир роты. Узнав, что в штабе полка, он слегка поморщился, после чего приказал поднять роту по тревоге, погрузить в автомобили стоящей неподалеку колонны и вместе с приданным взводом штурмовых орудий выдвинуться назад к Инстербургу⁸ и далее на Ангербург⁹.

– Поступили сведения о наличии в этом районе польских вооруженных бандитов, возможно, даже о восстании. Разберитесь и установите, что происходит. Заодно узнайте, что

⁷ Название дюралюминия в СССР до войны.

⁸ Черняховск.

⁹ Венгожево.

произошло с нашей колонной снабжения. Она должна была пройти тот район, но не появилась до сих пор. Приказ ясен?

– Так точно.

Через десяток минут Ганс вместе со старшим унтер-офицером роты, гауптшарфюрером Куно Клинсманном, уже всю подгоняли солдат, набивавшихся в кузова «Мерседесов».

Еще час – и перед изумленными глазами эсэсовцев появилась натуральная польская граница, со зданием, увенчанным белой польской «курицей».

– Когда они только успели? – удивленно заметил Нойнер, выбираясь из кабины. Обернувшись к кузову, он громко скомандовал:

– К бою!..

А к вечеру Ганс вместе с командиром батареи штугов оберштурмфюрером Хорстом Крагом и подъехавшим Кнохляйном уже осматривали поле побоища. Солдаты деловито строили в колонну собранных по ярам и буеракам пленных. Выглядели поляки неважно, повинаясь отрывистым командам конвоиров, словно автоматы, они смотрели вокруг безумевшими глазами, но на ногах стояли более-менее твердо – всех, кто был серьезно ранен и не мог идти, добивали на месте, чтобы не возиться.

Фриц подвел общий итог наблюдениям:

– М-да, неплохо мы поработали.

– Еще бы, два боекомплекта расстрелять, да еще и по ограниченному пространству...

– Кому как, моим штугам и одного за глаза хватило.

– Ага, зато вовремя. Фриц, видал те керогазы, что штуги на въезде в поселок подбили?

– Видал, правда, так и не понял, что это за катафалки бронированные.

Ганс с Хорстом весело засмеялись. Они успели осмотреть поле боя и уже выяснили, что это за «звери».

– Не ты один! Пошли, посмотрим вблизи, тогда будет наглядней...

Троица офицеров развернулась и вскоре выбралась к въезду в деревню, где и стояли, жидко дымя, три упомянутых автомобиля, странных, но, несомненно, военного назначения. Вернее, стояли только два из них, так как третий буквально развалился на части, превратившись в бесформенную груды железа, отдаленно напоминающую сложившийся картонный домик.

– Бронеавтомобили, – разочарованно отметил Кнохляйн, – и что такого? Напоминают наши времен рейхсвера для перевозки пехоты.

– То-то и оно. Только бронированы намного сильнее. Мы уже посмотрели, и наш спец по взрывчатке Бруно уверяет, что они и мину могли выдержать.

В этот момент будущее и показало свои клыки. Из-за недалекой рощи неожиданно выскочило несколько странных летательных аппаратов. На каждой из похожих на автожир-переросток, что-то вроде кабины от виденного Гансом американского «Дугласа» с приклепанным к ней длинным хвостом, машине¹⁰ висело по несколько странных трубчатых устройств, почему-то напомнивших Гансу о «небельверферах». И как он понял в следующую секунду, не зря напомнивших. Аппараты зависли. На концах труб вдруг вспухли клубы дыма. Офицеры упали за бронированный борт подбитого бронетранспортера, с ужасом наблюдая, как взрываются одна за другой пытающиеся съехать с дороги самоходки. Уничтожив бронетехнику, аппараты развернулись практически на месте и открыли огонь по залегшим пехотинцам из пушек и пулеметов. Несколько очередей попали прямо в построенную колонну пленных, разбросали в стороны не успевших залечь охранников. Уцелевшие поляки, воспользовавшись гибелью охраны, бросились врассыпную. Залегшие эсэсовцы открыли по ним огонь. Некоторые из бегущих сразу упали, но остальные продолжали зиг-

¹⁰ Ми-2УПР польского производства.

загами мчаться в сторону спасительного леса. Нойнер увидел, как Куно и еще один эсэсман, имени которого он вспомнить почему-то никак не мог, установили пулемет на колесе подбитой машины. Длинная очередь задела один из автожиров-переростков. Он как-то странно завилял, задымил и начал падать куда-то за рощу. Остальные резко разлетелись в стороны и быстро скрылись за горизонтом. Офицеры, ругаясь, вскочили и устремились к своим солдатам и горящим штугам...

Польша. Где-то под Сокулками.

Сергей Верещагин, ефрейтор в/ч 1825¹¹

«Ну, белобандиты польские, вы у меня еще дождетесь! С-с-суки. Зубами рвать буду за своих ребят». Осторожно повернувшись на правый, менее промокший бок, он еще раз проверил, насколько хорошо обернут затвор «светки». Не дай бог вода или грязь попадет – и все, останется он безоружным, с одними гранатами. Вздохнул, сдувая текущие по лицу потоки воды, и подумал, что прежняя, образца одна тысяча восемьсот девяносто первого дробь тридцатого, «мосинка» была куда надежнее. Время тянулось медленно. Стараясь отрезвиться от холодного, непонятного настоящего, ушел в воспоминания, продолжая следить за дорогой. Странной дорогой со странным покрытием...

Утром их часть неожиданно подняли по тревоге, не просто для проверки, а с выходом в район сосредоточения и выдачей боекомплекта. Ничего конкретного не говорили, но командиры ходили с глазами бешеной собаки – видимо, сами знали не больше остальных. Ходили слухи о немецких диверсантах, прервавших сообщение с приграничными частями. Но Сергей сразу понял, что началась война, не могли их просто так поднять, да еще и боевые патроны выдать.

К заданному району пришлось бежать в полном боевом. Их рота, хотя и числилась мотоциклетной, мотоциклов имела едва треть от штатного количества. Николай, из прошлогоднего призыва, «сдох» на полпути, пришлось ему помогать. Сергею досталась винтовка. Ничего, он-то покрепче этого городского хлюпика, добежал нормально.

Продышались. Командир роты, старший лейтенант Махоненко, на повышенных тонах объяснял комбату, что он командует разведчиками, а не связистами. Товарищ капитан в ответ на том же командно-матерном напоминал старлею, что возможна встреча с немецкими парашютистами-диверсантами, и вообще-то товарищ старший лейтенант командует ротой разведчиков Красной армии, а не монашками, и обязан выполнять приказ!

Конечно, Михоненко ответил: «Есть!» – и злой как тысяча чертей, для начала устроил всем разнос за отсутствие порядка, после чего приказал младшему лейтенанту Туташхия взять два броневика, грузовик и десяток солдат и отправиться для установления связи.

Ехали осторожно, учитывая неизвестную ситуацию впереди и возможность столкновения с диверсантами. Но все равно первая стычка с польскими жандармами стала для всех большой неожиданностью. Неизвестно откуда взявшиеся призраки несуществующего государства нагло пытались остановить колонну, но уstraшенные очередью поверх голов, разбежались. Тормозить не стали, кажется, младшой решил сообщить о случившемся по радиации, которая имелаась на большом бронебике. Поехали дальше, удивляясь идеально гладкой дороге, странным сооружениям вдали и непонятно откуда появившемуся и испуганно свернувшему к обочине при виде бронебиков, лимузину неизвестной марки. Еще через деся-

¹¹ 29-й разведывательный батальон 30-й танковой дивизии, Гродно.

ток километров дорога раздвоилась. Колонна остановилась, лейтенант разрешил всем размяться, а сам попытался сориентироваться по карте. Судя по междометиям помогавшего сержанта, определиться никак не получалось. Так бы блуждали красноармейцы по неведомым путям изменившимися дорожками, если бы не неожиданное появление вооруженной банды на грузовиках. Одетые в странную, не немецкую и не польскую, пятнистую униформу бандиты внезапно окружили стоящую колонну и по-польски, а затем и по-русски потребовали сдаваться. В ответ раздалась очередь из пулемета броневика...

Свой первый бой Сергей не запомнил. Кто-то стрелял, он тоже выстрелил несколько раз, было страшно и ничего не понятно. Потом загорелся пулеметный броневик, а в пушечный попало что-то непонятное. И тот взорвался с оглушительным грохотом.

Как Сергей оказался в кустах и почему потерял сознание – вспомнить никак не удавалось. Очнувшись позднее, он осторожно попытался встать. Голова болела и кружилась, ноги держали плохо, но до дороги доковылять удалось. На дороге догорали автомобили и броневики, убитые лежали там, где их застигла смерть. Верещагин несколько минут бродил среди трупов, пытаясь разобраться, кто есть кто, и не узнавая странно изменившихся в посмертии сослуживцев. Потом снял пару не сильно испачканных подсумков, несколько гранат и побрел вперед. Обнаружив подходящее место, Сергей устроил засаду и теперь сидел под внезапно пошедшим дождиком и ждал, не появится ли кто-нибудь на дороге.

Неожиданный звук заставил Верещагина насторожиться. Из-за поворота выскочил странный угловатый бронеавтомобиль, больше похожий на обычный грузовик, но с бортами, отливающими металлом. На борту красовался какой-то странный рисунок в виде непонятного зверя и польский флажок, а чуть выше рисунка блестели стекла бойниц. «Вот и пригодились бронебойные патроны. Не зря у старшины других обойм не оказалось. Спасибо, Ефимыч!» – подумал Сергей, пытаясь прицелиться в бойницу кабины быстро приближающегося бронеавтомобиля. Выстрел! Взметнувшаяся после выстрела водяная пыль демаскировала укрытие, но менять его было некогда. Пуля, к удивлению Верещагина, стекло расколотила, но не пробила. Однако броневик притормозил, дав возможность выстрелить еще несколько раз, и он все-таки попал в водителя. Машина резко развернулась и съехала в кювет. Раскрылись люки, и на дорогу начали выскакивать бойцы в такой же, как ранее увиденная, странной пятнистой униформе. Дальше Сергей действовал на автомате. Выпустив все оставшиеся патроны и держа в руке гранату, приподнялся, не обращая внимания на ответный огонь. Пуля пробила левую руку. Другая – задела бок, словно огнем опалив тело. Он успел бросить гранату. И попал! Прямо в распахнутый люк. В него попало еще несколько пуль, успел услышать приглушенный броней взрыв и поймать ускользающую мысль: «Обидно». И все исчезло.

г. Брест. Девятая погранзастава.

***Андрей Митрофанович Кижеватов,
лейтенант ПВ, командир заставы***

Лейтенант пил чай. Которую кружку по счету, точно не сказал бы ни за какие коврижки. Давно и надежно сбился со счета. Но это мелочи. Когда в далеком детстве прочел «Машину времени», случайно завалявшуюся в клубе, долго мечтал о реальности путешествий во времени. Размышлял, что бы сам изменил, что поправил бы. Вот честное слово, даже расстраивался, что невозможно такое. Нельзя на ящеров ископаемых посмотреть, нельзя на Куликово поле выкатить отдельный артдивизион и ударить десятком залпов по живой силе против-

ника. Оказалось, все возможно. Правда, вместо отдельного артдивизиона – пара десятков громадных грузовиков и сотня бойцов, при виде которых в голову пришло единственное определение: «Осназ». Именно такие ребята мелькали порой в погранполосе и растворялись в лесах на той стороне. Кроме того – странная дорога на той стороне реки и пограничный пост более года не существующей Польши.

Так что сидит он сейчас и пьет чай с потомком. Не своим прямым, конечно, с пришельцем из будущего. Командиром того самого «осназа». А тот, не менее ошарашенный, расспрашивает о каких-то совершенно ненужных мелочах. Оба, короче говоря, испытывают культурный шок, так это, кажется, называется.

Почему-то он сразу поверил, что это не коллективная галлюцинация. Ну а когда представился командирам пришельцев: «Лейтенант Кижеватов!» – один, который самый главный начальник, руку протянул, а второй, по которому видно, что из военных, на долю секунды застыл статуей, вытаращив глаза, а потом выдал, заставив окончательно поверить во все:

– Я вас таким и представлял, товарищ лейтенант. Вы начальник девятой заставы, лейтенант Андрей Кижеватов. Герой Советского Союза, посмертно.

Связались с Кузнецовым. Майор не поверил, потребовав к трубке еще и кого-нибудь из подчиненных. Услышав Шиболаева с тем же самым докладом, коротко матюкнулся и оборвал связь, примчавшись на место вдвоем с комиссаром через двадцать минут. Чуть коней не загнали.

Ну и завертелось. Рапорта, подписанные Кузнецовым, ушли в Минск. По боевой тревоге подняли гарнизон Крепости и, естественно, все пять комендатур. Особо подробностями не одаряли, туманно приказав на провокации не поддаваться, но встречать ружейно-пулеметным огнем любые попытки вооруженных банд нарушить неприкосновенность Государственной Границы СССР.

Старший из пришельцев умотал с Ильиным в Брест, а его «автопоезд» перегнали к заставе. Пить чай. Все равно других дел не осталось. Не спать же ложиться, в самом деле!

г. Брест. Девятая погранзастава.

Василий Сергеевич Нестеренко, директор ЧОП «Фрида»

Можно спокойно покурить, пока Большое Начальство в Минске и Москве решает, что с нами делать. Вот еще бы понять, кого считать начальством, а кого нет...

Надеюсь, решат быстро. В принципе самый приемлемый вариант – числиться на правах подразделения союзной армии. Ну, а там посмотрим, к чему выйдем. Главное, что на границе никаких осложнений не возникло. Ожидал худшего. Но что погранцы оказались совершенно вменяемыми, как и срочно прилетевший по звонку из Бреста гэбэшник, батальонный комиссар Ефим, вроде бы Ильич, фамилию не разобрал толком. Да и то он больше с Фимой общался. Ни слова лишнего, ни интонации. Выслушал, на грузовики посмотрел, в машину прыгнул и вместе с Фимой умотал обратно в Брест. Насиловать рацию, что до Минска достает, а если погода сложится, то и до Москвы в состоянии лучом добить. Так что верха оказались в курсе нашего появления чуть ли в течение двух часов. Фима же еще раньше ушел на Москву своим ходом. Решением местного начальства и в сопровождении того самого Ефима.

А мы замерли в ожидании не столько решений Москвы, сколько осложнений здесь. Вермахт остался где-то ТАМ. Но возможных проблем и тут хватает. Не считая того, что по нашей территории разведдиверсионные группы абвера шарахаются и два уroda, отловленные нынешней ночью, сидят в КПЗ комендатуры, есть другая беда. В ста метрах от здания

заставы, где мы сидим и пьем чай с пограничным лейтенантом, начинается Польша. Речь Посполита, мать ее... Пшеки – самая непредсказуемая нация из всех, с какими сталкивался. Хуже арабов, честное слово. Взять того полицейского на дороге. Додуматься надо: махать полосатой палкой колонне из нескольких десятков большегрузов, впереди которой едут два джипа, битком набитые вооруженными людьми. Ему шляхетская гордость, что ли, не позволяет понять: либо у проезжающих ВСЕ в порядке, либо останавливающий – труп. Сегодня ему повезло, палку никуда не засунули и не шарахнули в голову, не вылезая из салона. А в следующий раз? Самое смешное, если чудом останется в живых, опять будет стоять на дороге и заниматься тем же самым. И почти поголовно все такие. Где гарантии, что завтра их правительство не захочет помахать фамильной саблей? Польша «от можа до можа», Катынь, Смоленск, красные маки Монте-Кассино... Никаких гарантий адекватности шляхтичей. Так что мои бойцы залегли вокруг моста. Лейтенант с сержантом, который в «тревожной группе» прибежал, пошушукались и указали места, где наиболее возможны осложнения. Дно мелкое или удобный для плавающей бронетехники выход на берег. Там тоже наряды выставили. Моих вперемешку с местными.

Подозреваю, что начальник «девятки» сейчас мысленно матерится и плюется. Но что тут поделаешь. Вероятность польского вторжения существует? Существует. И моих ребят он оценил. Так что свыкнется. Тем паче начальник отряда недвусмысленно приказал сотрудничать. И не чинить препятствий.

Лейтенант с отсутствующим видом дует в кружку. Хорошо лейтенанту. У него с подчинением все ясно. Начальник комендатуры, начальник отряда, командующий округа... А у меня сложнее все в разы. Кто мне начальство? Фима – это однозначно. Но он в Москве. Точнее, в дороге где-то. Да и что, каждый шаг с ним согласовывать? Бред. А из местных? Сталин? Безусловно. Но не будет же мне лично Иосиф Виссарионович звонить? И Берия не будет. Скорее всего либо через Фиму свяжутся, либо через какое местное управление передадут. Нет, последнее – не вариант. Не идиоты в Москве сидят, понимают, что такого указчика могу и лесом послать.

Хотя чего я голову ломаю... Приказ передадут через Фиму. И либо он его поддержит, либо сообщит, что все плохо и надо с боем прорываться в Аргентину. Да так даст знать, что, кроме меня, и не поймет никто. Вот тогда и будем действовать по обстановке. Фима-то – голова!

Как он здесь ситуацию прокачал! Мгновенно! Я еще глаза тер, глюки прогоняя, а он уже тормозит тачку и бросает остолбеневшему часовому у шлагбаума:

– Товарищ боец, срочно вызовите старшего смены! Сообщение чрезвычайной важности!

Причем так сказал, что вызвали без малейшего промедления. А дальше! Это же видеть надо! Тут даже не в словах дело. И не в технике и документах будущего. Интонации, мимика, жесты... Высший пилотаж! Пять минут поговорили. И старшой уже рысью умчался прозванивать по вышестоящим начальникам.

Тревожная группа с заставы во главе с лейтенантом примчалась через полчаса. Он подошел, представился. У меня аж круги перед глазами пошли. Потом только сообразил, что так и должно быть. Ведь Брест же. И крепость. Брестская. В которой мой дед войну встретил. Я ж этим вопросом не просто интересовался, а копал глубоко и качественно. С лейтенантом мы тоже потом общий язык нашли. Рассказал ему пару фактов из его же биографии. Хотя и было опасение, что сорвется мужик. Тяжело такое про себя узнавать. Устоял. Зубами скрипнул, зыркнул исподлобья, и все. Да, верю, такой мог неделю оборону держать и крови из немцев выпить большущую цистерну. И бойцы у него начальнику под стать. То ли мысли читать умеют, то ли до автоматизма обучены. Моим ребятам, конечно, не чета, школа не та. Но!..

Но это потом. А в тот момент Фима Андрею ситуацию объяснил. И справился еще быстрее, чем с его подчиненными. Короче говоря, лейтенант бровью шевельнул, а шлагбаум уже поднят. И машины потихоньку пошли.

Мы мирно въехали в Союз! Мирно! Без обысков и отбора оружия! По всем инструкциям погранцы были обязаны нас никуда не пропускать. Вплоть до ареста. С обыском и изъятием колюще-режущего-огнестрельного. Ох, посмотрел бы я на эту картину... Но без нее лучше. Молоток Фима!

И я молоток! В который раз себя хвалю, что не отказался от его предложения тогда, в девяносто втором. Хотел ведь, на волоске висело...

Привел Фиму Палыч. Палыч в рукопашке бог и царь. Всю жизнь натаскивал ребят из нашей конторы и еще парочки аналогичных. А легендировалось это под секцию самбо. Совершенно открытую. Секция работала и с самыми обычными людьми. Вот Фима и был таким обычным. Разве что занимался с четырех лет, да Палыч его по нашей программе в последнее время тренировал. Даже пересекались пару раз на тренировках.

Вот тут Палыч и привел его ко мне. Я тогда в сильном разброде был. Из конторы выперли. Прицепились к ранению и комиссовали. Любому дураку ясно, что касательная царапина – предлог. Разгоняли нас. «Реорганизовывали». Причем гнали лучших. Профессionalов. Всякая нашлапка бюрократическая оставалась... Вот и я попал под гребенку. Куда было деваться, совершенно непонятно. На гражданке ни профессии, ни связей, хоть в бандиту иди...

И тут Фима появился. Ну что Фима? Мальчик, двадцать два года, окончил институт, начал заниматься бизнесом. Даже неплохо начал. Для первых месяцев. Под бандюков ложиться не хочет, ищет нормальную охрану. Не крышу – охрану. Не глуп, верю. Но нет за ним никого и ничего. Через пару-тройку месяцев накроется его фирма медным тазом, и все проблемы. А еще – еврей. Нет, я не антисемит. Но из казаков я. А казачество всегда евреев не любило. И семья, соответственно, у нас антисемитская. Исторически. Некое послабление с деда началось. Он во время войны вместе с одним евреем воевал. От самой границы и до своей гибели в сорок третьем. И писал с фронта: «Если бы все люди были, как этот жид, давно коммунизм на всей Земле построили. Славный казак!» Вот тогда у моей бабушки настрой и заколебался. А когда в сорок седьмом тот парень в гости приехал... Вещи привез, что от деда остались, фотографию рейхстага с надписью «Василий Нестеренко». И указал, где дед похоронен... В общем, антисемитами мои предки быть перестали. Но любовью и близко не пахло...

В общем, хотел я Фиму подальше послать. Но по привычке своей, годами выработанной, сразу не ответил, взял пару дней на размышление. А вечером нашло настроение альбом семейный полистать. Дошел до той фотографии с рейхстагом. Смотрю, а пониже дедова имени... Я глазам своим не поверил. Лупу схватил. Точно. Ниже дедова имени, буквами поменьше, как будто в тени деда, написано: «Абрам Фридлиндер»!

Вот тут я подхватился! Наших еще не всех поувольняли, так что Фиму я по базам мигом пробил. Точно! Внучатый племянник того самого дедова сослуживца.

После этого, понятное дело, согласился. Что же я за сволочь буду, если не помогу внуку того, кто закрыл глаза моему деду? И плевать, выстоим мы с ним или нет. Да выстоим, раз деды вместе выстояли, то и нам сам бог велел. Между прочим, я эту карточку с тех пор всегда с собой ношу. Она и сейчас в кармане «горки».

Ни через два месяца, ни через три Фимина фирмочка не сгорела. Голова у него прямо Дом советов... Таких в мире один на миллион, если не на миллиард! Через год он уже был крут. И моя служба росла потихонечку. Набирал ребят. В те годы многих вышвыривала на улицу новая власть. А как-то зашел с Фимой разговор о кадровой политике. Вот тут работодатель меня и ошарашил.

– Бери всех стоящих, – говорит, – когда этой стране потребуются лучшие в мире станки, ей потребуются и лучшие в мире бойцы. По деньгам мы и тысячу человек прокормить, вооружить и натренировать можем.

Так, можно сказать, и сбылась моя мечта. Тысяча, конечно, перебор, но сотню набрал. Вот она, почти вся здесь. Может, и не лучшие в мире, но одни из лучших...

г. Мариуполь.

А.Е. Огурцов, лейтенант, уполномоченный РКМ НКВД¹²

Капитан зевал в кулак и постоянно помешивал чай. Мельхиорова ложечка дребезжала по стакану, разгоняя давно остывшую бурую жидкость. Лейтенант же стеснялся, поэтому ему приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не зевнуть прямо в лицо чекисту. Все-таки целый день на ногах...

– Ладно, лейтенант, продолжим.

– Так точно, товарищ капитан государственной безопасности, продолжим! – чуть ли не заорал Огурцов. Андрей Тимофеевич, конечно, мужик правильный и понимающий, но если начальник областного УНКВД приехал лично, то изволь, лейтенант, отвечать по уставу, а то... Ведь вместо заслуженных наград и благодарностей можно получить по шапке. Участок, конечно, не совсем Огурцова, но тем не менее вдруг действительно шпион? Город снова на уши поставят. К тому же с немцами непонятно что творится...

– Да не ори ты как оглашенный! С утра голова раскалывается, – поморщился Чечков и неожиданно признался: – Понимаешь, хотели с супругой детишек в парк Щербакова сводить, на лебедей посмотреть, а тут звонок ваш. И понеслось...

– Так не специально же, товарищ капитан! – начал оправдываться лейтенант.

– Знаю, – улыбнулся Чечков. – Вернее, догадываюсь. Ни к чему нам провокации такого уровня сочинять, чай, не Витте, царская милость в обратку станет. – И посмотрев на вытянувшееся от удивления лицо лейтенанта, не сдержавшись, засмеялся. – Не бойся, Иван Михайлович, это я так, красного словца ради. Если серьезно, – продолжил капитан, – то признаюсь как на духу ни черта я не понимаю в происходящем.

Оба молчали, в который раз уже рассматривая выложенное на стол имущество шпиона. Старый заржавленный перочинник, с выдавленным на рукояти из странного материала ценником «2 руб. 20 коп.» и силуэтом белки, кучка металлических монет, все как одна, с навязшим уже трезубцем, несколько купюр, притом одна из них с гетманом Мазепой. Первый раз увидев ее, Огурцов долго хмыкал, крутил головой и пытался прогнать из головы навязчиво лезущие строчки про «гетмана-злодея» и какого-то «Кочубея». Чечков тоже уделил немало внимания бумажным деньгам, рассматривая каждую «гривню» через карманное увеличительное стекло.

Отдельной кучкой лежали более важные вещи – ворох документов и небольшой, зализанный «брусок» из того же непонятного материала. У «бруска» снималась задняя крышка с надписью Sony Ericsson и наличествовал стеклянный экран с непонятной маркировкой и надписью «Нет сети». Документы, которые, если быть объективным, представляли собой смазанные светокопии оригиналов, были чрезвычайно необычны. Язык и трезубцы Огурцов заметил еще на Песчанке. А когда немного разобрался с рапортами и прочей «сопроводителькой» и покопался основательнее, то заметил еще одну несусаицу. Даты. 2001 год, 2008-й, 2010-й...

– Да, тут еще один момент, – не сдержавшись, зевнул Огурцов. – Я, товарищ капитан, наших ихтиологов озадачил.

¹² Рабоче-крестьянская милиция Наркомата внутренних дел.

- Кого-кого? – не сообразил капитан.
- Ну, рыбологов. Тех, кто рыб изучает.
- А-а-а... Понял, точно. Извини, не сообразил сразу. С чего это ты вдруг к рыбологам побежал? – Чечкову определенно понравилось слово, выдуманное лейтенантом.
- Загвоздка тут в чем. Я сам у моря родился и жил, каждую рыбешку в лицо знаю. У шпиона же в лодке пудов двадцать свежака, и почти все – звери, а не рыбы. Каждая как бревно и весит кил под десять. Сперва не мог понять, хитрость в чем, думал, может, он в рыбах взрывчатку перевозил. А потом профессор все разъяснил. Пеленгас это.
- И что? – недоуменно переспросил капитан у торжествующего Огурцова.
- А то, товарищ капитан, что рыба эта только на Дальнем Востоке обитает! Хищник – хуже судака, такого в море выпусти – он через пять лет всю рыбу пожрет. Кроме бычка, ничего водиться не будет!
- Сурово... – оценил неожиданный поворот в деле Чечков, но продолжить не успел. В кабинет постучался дежурный:
- Телефонограмма из Киева, товарищи командиры! За подписью Серова. Сверхсрочная! С приказом донести содержимое до всего начальствующего состава.
- Сверхсрочная?
- Так точно, товарищ капитан государственной безопасности. – Дежурный от старания так тянулся, что, казалось, еще немного – и порвется пополам, даже портупая не поможет. – От товарища комиссара государственной безопасности третьего ранга!
- Ческов с Огурцовым переглянулись. Мысли что лейтенанта, что капитана ГБ совпали полностью: «Началось!»

г. Варшава, Президентский дворец.

Бронислав Коморовский, Президент Ржечи Посполитой Польской

– Пся крев! Такой шанс построить Великую Польшу от можа до можа, причем до Охотского!.. На Leopard 2A4 против «тридцатьчетверок»! – Бронислав Коморовский, уже почти три месяца как президент страны, не находил себе места от возбуждения. – Конечно, их всего чуть больше сотни, но и Т-72 для сорок первого можно считать супероружием... Русские беззащитны! Главное, действовать быстро, пока не налетели другие коршуны. И союзникам ничего не сообщать, а то пригребут все себе. Сейм тоже не нужен, утопят в говорильне. Надо действовать. И очень быстро! А если что, нового Лжедмитрия долго искать не надо – товарищ Власов как раз под боком, из-под Львова свой четвертый мехкорпус вывести пытается...

Не будучи военным, Бронислав тем не менее любил быстроту и четкость выполнения своих приказов. И 27 октября 2010 года Войско Польское начало наступление по всей протяженности границ с Россией, Белоруссией, Литвой и Украиной. Почти двести тысяч жолнежей, ревя моторами, при поддержке семи сотен танков и тысячи БМП, надвигались на обреченного противника. На каждые два танка и три «бэхи» приходилось всего по четыре километра государственной границы. Остальные двести танков и триста «коробочек» оказались немножко не на ходу. Увы, последние поставки советской техники осуществлялись почти тридцать лет назад.

Первые проблемы возникли в Прибалтике, где поляки ничтоже сумняшеся ворвались в оперативные тылы группы армий «Север». Немцы сориентировались быстрее. И неожиданно обнаружилось, что «ахт-ахты» все же опасны для «Леопардов», а прошедшие всю Европу солдаты вермахта хотя и вооружены намного хуже, но воевать умеют значительно лучше неожиданного противника. Техническая отсталость немцев давала себя знать, но,

неся огромные потери, они к вечеру все же перемололи значительно уступавшие им по численности и выучке польские части. Не помогли даже брошенные на помощь спецвойска. Все две тысячи польских спецназовцев героически пали в боях, увеличив потери врага еще на десять тысяч человек. Остатки польских войск, бросая технику и оружие, бежали, сея панику среди собственного населения. Поляки ждали контрнаступления немцев. Тех самых, из сорок первого года. На их счастье, у Вильгельма фон Лееба не осталось для этого сил. Утром 28 октября 2010 года он принял решение о прекращении боевых действий остатков своих войск против РККА.

В Белоруссии и на Украине дела поляков шли не лучше. Легко сметя пограничные заставы, доблестные польские части ворвались на территорию противника, где немедленно увязли в грязи. Не прекращающийся уже больше суток ливень превратил и без того не слишком хорошие дороги в болота, где застревала даже хваленая современная техника. Несмотря на почти полное отсутствие сопротивления, за день удалось продвинуться не более чем на сотню километров. Вымотанные маршем и непогодой части расположились на ночлег в подвернувшихся деревнях и мелких городках.

Увы, население западных областей Украины и Белоруссии еще не забыло прелестей вхождения в состав Польши и «любило» поляков куда больше, чем «большевистских оккупантов». А кавалерийские дивизии РККА выбрали эту ночь для налетов в духе батьки Махно. Не имевшие никакого боевого опыта часовые снимались быстро и беззвучно. Большинство жолнежей не успевали толком проснуться, а офицеров резали гостеприимные хозяйки выбранных ими хат. Там, где полякам удалось организовать сопротивление и русские откатились, они не забыли на прощание поджечь вражескую технику. Машины двадцать первого века горели ничуть не хуже устаревших Т-26... Единственную сохранившую хоть какую-то боеспособность часть уничтожил на рассвете четвертый механизированный корпус генерала Власова. Потенциальный Лжедмитрий не догадывался о том, что ему было суждено стать основателем РОА, и честно выполнял обязанности командующего корпусом. А генералом он был неплохим... Утром 29 октября 2010 года Польша осталась без сухопутных войск...

– Пся крев! – В полдень того же дня Бронислав Коморовский, уже почти три месяца как президент страны, не находил себе места от возбуждения.

Ему только что звонил Сталин. И откуда у него номер телефона! В крайне вежливых и издевательских выражениях Иосиф Виссарионович сообщил президенту, что из-за крайне уважительного отношения к трудовому польскому народу и миролюбия советского руководства СССР не будет вводить в Польшу свои войска. Только заберет назад столь любимый товарищем Сталиным Белостокский выступ. А на столе президента лежал текст телеграммы от Ангелы Меркель. Канцлер Германии выражала удивление неспровоцированным нападением польских военных на немецких граждан в Восточной Пруссии и прямым текстом требовала отторжения Гданьского коридора, фактически уже занятого частями Бундесвера.

В принципе президент должен был быть доволен. Польше сохраняли жизнь. Вот только с морями становилось совсем хреново...

Бронислав вздрогнул и проснулся. «Слава богу, это только сон. Что со мной? Какой октябрь, какая грязь... Уснуть в собственном кресле за полчаса до важнейшего совещания. Чуть не проспал. Но сон точно навеян этими фантастическими сообщениями, – перед глазами всплыло перекошенное безусое лицо совсем молоденького жолнежа и острия вил, торчащие из его груди. Боже мой! Надо успокоиться и идти в ситуационный кабинет. Пора уже».

* * *

Пока варшавяне, да и остальные поляки, удивлялись неожиданным слухам о закрытии аэропортов и обсуждали появившиеся в Интернете ролики о боях на восточных границах, в ситуационном кабинете, расположенном в Президентском дворце, собрались люди, составлявшие военный кабинет и призванные решать судьбу страны. Нервозность, царящая в помещении, легко объяснялась не только необычными событиями, происходящими на восточных границах Польши, но и неожиданным опозданием самого президента. Докладывал министр обороны Ржечи Посполитой, генерал брони Клых.

— ...Можно с уверенностью сказать, что наступление со стороны Калининградской области, принятое нами за русское, на самом деле ведут части вермахта образца сорок первого года. Захваченные бойцами спецназа «Гром» пленные из дивизии «Тотенкопф» и образцы техники однозначно подтверждают этот факт. Одновременно с этим страны бывшего СССР сменились Советским Союзом того же периода... В настоящее время в Восточной Пруссии действует шестнадцатая Поморская механизированная дивизия, силы пограничников в составе двенадцати погранзастав и роты спецназа, часть группы спецназа «Гром». Дополнительно переброшены два дивизиона воздушной кавалерии, первый легкокавалерийский и седьмой любельских улан, а также шестой десантно-штурмовой батальон. Планируется перебросить туда и остальные части шестой десантно-штурмовой бригады, а также третью механизированную бригаду. Не позднее двадцати трех часов дня планируется дополнительно развернуть против Калинин... пшепрашем, пане, Восточной Пруссии, еще и основную часть двенадцатой Щецинской механизированной дивизии в составе двух механизированных бригад и арtpолка с частями обеспечения. Одновременно на бывшей белорусской границе развернется Варшавская механизированная дивизия без одной бригады и кадровая часть восемнадцатой бригады территориальной обороны. Горнострелковую бригаду из состава этой дивизии развернем в районе от Бреста и южнее вдоль украинской границы. Для поддержки и воздушного прикрытия войск, действующих против нацистов, используются силы ВВС с тридцать первой, а также частично с тридцать второй и двадцать второй авиабаз. В результате на всей остальной территории авиационной поддержки и прикрытия мы практически не имеем.

На недоуменный вопрос премьера Туска: «А почему?» — министр обороны ответил по-военному кратко:

— Больше у нас боеготовых самолетов нет. — И продолжил: — Но боестолкновения на границе с Советами незначительны и фактически прекращены. Было несколько случаев на бывшей границе с Белоруссией, но там имелись шесть рот спецназа погранвойск и пятнадцать застав. Поэтому только одному русскому отряду удалось продвинуться незначительными силами в районе Гродно на двадцать километров в глубь нашей территории. В настоящее время в этот отряд, не желавший вступить в переговоры, уничтожен боевыми вертолетами. На остальной территории границы наблюдаются попытки установления связи между погранчастями и русскими властями. Таким образом, мы будем к исходу суток иметь группировку, способную вытеснить как немецкие, так и русские войска за пределы наших границ. Считаю, что армии образца сорок первого года не смогут оказать сильного сопротивления нашим доблестным жолнежам.

— Пся крев! Такой шанс построить Великую Польшу от можа до можа, причем до Охотского! На «Леопардах» и «Твярды» против «тридцатьчетверок»! — Радослав Сикорский, министр иностранных дел, был возбужден настолько, что не выбирал выражений и позволил себе перебить коллегу. — Конечно, их всего чуть больше трех сотен, но и даже старые Т-72 по сравнению с русскими танками — чудо-оружие! Русские беззащитны!

«Гитлер в сорок первом считал так же, – подумал президент. – Боже, но шпарит прямо по тексту. Определенно, сон был пророческим!»

Тем временем Сикорский не унимался:

– Главное – действовать быстро, пока не налетели союзники. – Лицо говорившего скривилось в презрительной усмешке. – И ничего им не сообщать, а то эти коршуны пригребут все себе. Сейм тоже не нужен, утопят в говорильне. Надо действовать. И очень быстро! А если что, нового Лжедмитрия долго искать не надо, вспомним, как русские генералы сотнями немцам в плен сдавались. Панове, я считаю, что нам не стоит ограничиваться только Крулевцом. Вы забыли еще старинные польские города: Вильно, отобранный у нас как раз этой страной, и Львов.

– Но для наступления необходимо провести хотя бы частичную мобилизацию, – попытлся остановить полет мысли своего коллеги министр обороны.

– Какая мобилизация? Вы еще не осознали случившегося! Нашим доблестным войскам, оснащенным самой современной техникой, противостоит противник с древними винтовками, практически без авиации, без ПВО, без современных средств разведки и связи.

– Но, пан министр, нашим войскам противостоят отнюдь не малые силы. В Восточной Пруссии мы имеем против себя, кроме действующей сейчас эсэсовской дивизии «Мертвая голова» и пехотной пятьдесят восьмой дивизии, еще и минимум две армии и танковую группу. Сейчас они связаны боями с русскими, но вполне могут заключить с ними перемирие и повернуться против нас. На бывшей белорусской границе нашей разведкой выявлены силы одиннадцатого мехкорпуса, восемьдесят пятой, пятьдесят девятой стрелковых дивизий, тридцать шестой кавалерийской, в районе Бреста расположена четвертая советская армия. Мы можем сдержать их, даже разбить, обороняясь, но у нас просто нет достаточного количества войск для наступления.

– Пан генерал брони. Я не пойму. Вы считаете, что плохо обученные русские войска, которые вермахт с устаревшим вооружением гнал до самой Москвы, смогут разбить наши великолепно вооруженные и обученные части? Вы только что утверждали обратное тому, что говорите сейчас. Или вы не патриот Польши?

Удивление, все сильнее проступавшее на лицах премьер-министра Дональда Туска и остальных членов кабинета, оставалось незамеченным увлечшимся Радославом. Он вытащил из папки довольно затрапезного вида бумажку:

– Вот, послушайте: «Наша армия обладает подавляющим огневым превосходством и имеет безраздельное господство в воздухе. В полосе ТВД с советской стороны имеется только истребительная авиадивизия в районе Минска и две бомбардировочные дивизии на флангах. Истребительная авиадивизия оснащена истребителями И-16. Авиация русских будет уничтожена частично на аэродромах, частично в воздухе современными боевыми самолетами. Далее наши войска, используя танки, БМП и БТР, подавят с недоступных для ответного огня дистанций наспех подготовленную оборону стрелковых соединений. Артиллерию красных уничтожат огнем самоходки и РСЗО. Отсутствие в РККА противотанковых ружей и практически полное отсутствие ручных противотанковых гранат делает невозможным борьбу с БТР и БМП стрелковыми подразделениями. Ввиду серьезных недостатков в тактической подготовке командного состава и слабой (тем более по современным меркам) подготовки личного состава войск связи оказание организованного сопротивления противником будет либо крайне затруднено, либо невозможно. Очевидно, будет иметь место неорганизованное очаговое сопротивление с переходом, по израсходовании боезапаса, в рукопашные схватки. Пользуясь техническим превосходством, в том числе в мобильности, наши жолнежи, руководствуясь общей задачей захвата максимально возможной территории, могут не обращать внимания на сопротивление, рассчитывая добить и пленить оставшихся потом. Дальность продвижения в глубину можно считать равной величине расхода поло-

вины заправки топлива или более, в зависимости от возможности передвижения на местности. Т. е. примерно на двести пятьдесят километров, если считать по танкам...» – министр еще раз потряс бумажкой. – Это доклад независимого военного обозревателя. Его анализ подтверждает мои мысли. Наконец-то сбудется давняя мечта о Польше от можа и до можа. Сейчас главное, чтобы не успели вмешаться немцы или американцы.

– Пан министр, – в обычно спокойном голосе президента звучало железо, – вы когда-нибудь горели в танке?

– Нет, пан президент!

– А раненым в живот вам быть не приходилось?

– Но, пан президент...

– Тогда понятно, почему вы так рветесь в бой. – Самого Коморовского такие страсти тоже миновали, но он не считал это принципиальным. – Вы готовы лично возглавить передовую роту?

– Но, пан президент...

– Что, «пан президент»? Если не готовы, будьте добры успокоиться и включить голову. Вы давно уже министр, а не душман! Панове, какие еще есть мнения?

Почему-то упоминание о моджахедском прошлом Радослава разрядило обстановку. В дальнейшем совещание шло в сосредоточенном, деловом ключе и было очень результативным.

– Итак, – подвел итог президент. – За пределы наших границ ни шагу. Атаки вермахта отбивать, применяя все имеющееся вооружение. С русскими стараться в конфликт не вступать. При контакте и попытках прохода на нашу территорию стараться объяснять ситуацию и просить ждать приказа из Москвы. Огня без крайней необходимости не открывать. Госпоже канцлеру я позвоню сам. Генсеку НАТО – пан генерал Клых. А вы, Радослав, – он мстительно посмотрел на Сикорского, – в течение получаса придумайте, как связаться со Сталиным.

г. Брест. Девятая погранзастава.

В.С. Нестеренко, директор ЧОП «Фрида»

Дымить в помещении не приучен с детства. Да и лейтенанту поспать надо, как он признался, третьи сутки на ногах. Вот и вышел в курилку. Задымил...

– Товарищ командир, разрешите обратиться?

Рядовой. Молоденький совсем, лет двадцать. Невысокий, крепенький, кареглазый, волосы рыжеватые, даже при короткой стрижке курчавятся. Лопухий немного. Сразу видно, что недавно с гражданки. На все пуговицы застегнут и форма не обмятая. В глазах любопытство так и плещется.

– Обращайтесь.

– Рядовой Абрам Фридлендер! А вы правда из будущего?

Млять! Не может быть! А почему, собственно, не может? Дед же именно в этих местах войну встретил, а они с одной комендатуры. Вот с этой. Значит...

– Правда! А скажи, боец, есть у вас такой – Василий Нестеренко?

– Есть, товарищ командир. Позвать?

– Позови, если он не занят.

– Я мигом! – Он поворачивается, окидывает взглядом окрестности и громко кричит: – Васька! Иди сюда!

Один из пограничников неторопливо разворачивается к нам. Высокий, мускулистый, с хорошей фигурой. Форма сидит ладно, как будто скроена под заказ. Все верно, он на два года старше Абрама, уже послужил, пообтерся. Два треугольника в петлицах. Папироска висит на краю губы. Голубые глаза сканируют местность. Иначе не скажешь, именно сканируют.

– Ну чего тебе, малахольный, наряд захотел? Форму обращения забыл?

– Вас, товарищ сержант, товарищ командир спрашивает, – малость стушевался рядовой.

Василий меряет меня взглядом. Видно, что он еще не определился, как к нам относиться. И ко мне тоже. Вроде и командир, но ведь ни к РККА, ни к НКВД не принадлежу. С другой стороны, видел, что начальник отряда общался на равных и с начальником заставы посторонний чай гонять не будет. Решается.

– Товарищ командир, сержант Василий Нестеренко! Прибыл по вашей просьбе!

Ишь ты! Не по приказанию, по просьбе. Ладно, не таких обламывать приходилось. Хоть ты мне и дед...

– Здравствуйте, сержант. Ты хоть знаешь, что твоя Анюта беременна?

Вся шелуха слетает мигом. Остается двадцатидвухлетний удивленный пацан.

– Как беременна? Откуда вы знаете? У меня ребенок будет? Когда?

– Сын у тебя будет. Сергей. Что, не помнишь, когда сына делал?

Начинает считать, шепча губами и сбиваясь... Нет, дед не был неграмотным. И дураком тоже. От счастья ошалел. Первым не выдерживает Абрам:

– Через семь месяцев родится. Ты два месяца как в увольнение ездил.

– Ага, правильно, – выдыхает Вася. – Это точно? Ах, ну да, вы же из будущего. Вы что, про всех знаете?

– Нет, только про вас двоих.

– Почему про нас?

– А вы мне родственники.

– Оба? Не может такого быть. Он же жид! – запоздало оглядывается, не слышит ли кто вырвавшееся слово. – Что, мы в будущем с ними породнились? Да не в жизнь!

– Вы уже в курсе, что от войны чудом сбежали? Так смотрите. Оба.

Достаю заветную фотку. Они впиваются взглядом. На фотке рейхстаг. Выщербленные пулями и осколками колонны, крошево камня, какая-то перевернутая тачка. Трое солдатиков на переднем плане. Мятая, выдавшая виды форма, запыленные лица. И большие надписи над их головами. Две фамилии. Два имени. Их имена и фамилии.

– Это что?

– Рейхстаг. Берлин, май сорок пятого. Победа.

– Видишь, – совсем по-мальчишески толкает Абрама мой дед. – Я выше расписался. И крупнее!

Вот он, момент истины.

– Извини, Василий, – говорю. – Ты не дошел. Погиб в сорок третьем под Конотопом. Это Абрам писал. За обоих.

Я им рассказываю все, что знаю. Долго. Подробно. Про то, как погибла застава. Как Вася тащил из окружения раненого Абрама. Как Абрам тащил через линию фронта раненого Васю. Про их встречу в Сталинграде. Про Курскую битву. Про освобождение Киева. Про неизвестную высоту под Конотопом. Про могилу у подножия той высоты. Про Варшаву. Про Берлин. Про Парад Победы. Про них...

Я рассказываю про семьи, их довоенные и послевоенные семьи.

Про беременную Анюту Нестеренко, отставшую от поезда, везущего семью в эвакуацию и мечущуюся на путях на безымянном полустанке, а потом втягиваемую ранеными бойцами в санитарный эшелон (*поедешь с нами, девонька, негоже тебе немца дожидаться*)...

Про ту же Анюту, кормящую маленького Сережку, не отходя от станка... Про Веньку Фридендера, брата Абрама, четырнадцатилетнего пацана, кидающего уголь в топку паровоза где-то в казахской степи под аккомпанемент подбадривающей скороговорки машиниста, ровесника первых паровозов: «Шуруй, Венька!»... И про другой паровоз, где Васькин дед, мой и его полный тезка, кричит другому пареньку: «Шуруй, Витька!»... Про мать Абрама, падающую в голодный обморок за операционным столом... Про шурина Абрама, брата еще не знакомой ему будущей жены, не взятого в армию из-за «брони», но ушедшего в ополчение и погибшего в подмосковных окопах, так и не успев сделать ни одного выстрела. Про казака Сергея Нестеренко, бросившегося с гранатой под танк...

Я рассказываю про... про то, чего теперь уже не будет. Даже если случится обратный перенос и дивизии вермахта рванут на Москву – не будет. Потому что будет все по-другому. Потому что здесь я с ребятами и весьма неплохим боезапасом. Потому что гонит к Москве Фима с его головой. Потому что...

Они слушают, раскрыв рты, забыв, кто из них сержант, а кто рядовой, кто еврей, а кто казак, забыв обо всем.

Я рассказываю, а сам понимаю, что если пшеки завтра начнут махать пашками, им не светит. И бундесам не светит. И китаезам. И пиндосам. Никому. И не из-за моих бойцов и Фимы с его идеями. Не из-за наших станков и ноутбуков. Не из-за подлодок с ядерными боеголовками. Из-за этих ребят. Из-за миллионов таких мальчишек. Которые еще совсем дети, которые еще ничего не умеют. Но они в той, прошлой, истории остановили Гитлера. И они в истории нынешней остановят кого угодно. Даже без современного оружия. Даже если окажутся вообще без оружия. Все равно остановят. Они просто не умеют иначе...

Москва. Кабинет т. Сталина.

И.В. Сталин, секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР

Самый длинный в году день уходил понемногу, практически незаметно для глаз, сменяясь сумерками. Воздух за окном постепенно терял прозрачность, в углах кабинета накапливались тревожные тени. Сидящий за столом человек отложил в сторону лист бумаги, буквы на котором уже различались с трудом, и включил настольную лампу. Кинув взгляд за окно, он взял лежащую неподалеку от стопки книг пачку папирос, пододвинул трубку и привычно набил ее табаком. Раскурил, затянулся, поднялся со стула и, мягко ступая по ковру, держа трубку в руке, прошелся до окна и обратно к столу. Привычный ритуал не успокаивал, скорее наоборот, раздражал, как и обстановка рабочего кабинета, слишком обычная для фантастических новостей, поступавших весь день. Настолько фантастических, что они просто не укладывались в голове, и приходилось постоянно напоминать себе, что это не сон.

Задумчиво поглядев на трубку, он постоял у стола еще несколько долгих, томительно-вязких минут. Затем трубка легла на пепельницу, а в руках, уже не первый раз за день, оказался потрепанный номер журнала «Всемирный следопыт». Журнал уже привычно открылся на странице с началом рассказа Беляева «Белый дикарь». «Типичное отношение европейцев к тем, кто не похож на них и кто их слабее». И он отложил журнал в сторону. Вспомнилось, казалось бы, уже давно забытое, пережитое за границей ощущение беспомощности и нескрываемой недоброжелательности окружающих. Раздраженно вздохнув и выдохнув несколько раз, он для успокоения начал перебирать лежащие на столе книги. Здесь было все, что удалось найти в библиотеках по проблемам путешествия во времени, от Твенского «Янки при дворе...» до «Бесцеремонного Романа». Кроме этих, содержащих выдуманные авторами коллизии, томов, в стопке лежали брошюры, повествующие о завое-

вании Мексики и Перу конкистадорами. Он открывал и быстро пролистывал каждую, торопливо выискивая самые актуальные места. Взгляд скользнул по страницам «Бесцеремонного Романа» и задержался на описании разгрома противников Наполеона с помощью нового оружия. Понятно, что имея техническое превосходство, можно разбить во много раз превосходящего противника. «И никакая выносливость, никакая сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса над техникой, прав был Ильич», – успокаиваясь и постепенно приходя в рабочее состояние, он уже начинал продумывать план первоочередных мероприятий.

«Первое и самое необходимое – сведения и еще раз сведения. Обстановка в мире, политическая и экономическая, основные вехи истории этих лет и вытекающие из них уроки для нас и нашей политики, возможность догнать или хотя бы слегка уравнивать шансы с остальным миром. И самое важное – возможности развязывания войны против нас. Да, война...» – Он недобро улыбнулся в усы, вспомнив рассказ Молотова о растерянном и недоумевающем после Германии, заявившем, что не имеет никаких сведений из Берлина и никак не может прокомментировать сложившуюся ситуацию.

Соврал, конечно. Как сообщил Меркулов, какая-то телеграмма из Берлина в посольство шла, но связь прервалась одновременно с началом События. Хотели напасть, шени деда, не стоит и к гадалке ходить. Но оставшаяся где-то там, в прошлом, война уже не настолько волновала, как все остальное, а самое главное, как недостаток сведений для более глубокого анализа произошедшего. Самое же главное – не верилось, что ЭТО произошло на самом деле. Чувство было такое, словно смотришь сон. Тяжелый, кошмарный сон, во время которого хочется проснуться и никак не получается. Вот и смотришь дальше, подсознательно утешая себя тем, что это не настоящее. Но сейчас все вокруг было не просто настоящим, оно было до жути реальным, и было ясно, что проснуться не удастся никак.

Он сел, взял в руки трубку, с неудовольствием убедившись, что она потухла. Выбил остатки табака в пепельницу, достал папиросу, прикурил. Открытая папка с донесениями погранзастав снова привлекла внимание. Он взял верхний листок, перечитал, задумался. «А стоит ли им доверять? Стоит ли верить, например, вот этому господину, или все же товарищу, как его, Фридлендеру? Кто он, советский по духу человек или хитрый враг? С одной стороны, капиталист, крупный капиталист, а с другой? Мог ведь и не переходить границу. Или обратно уйти. Не удержала бы его застава, если верить докладом, переданным товарищем Берией, сил бы не хватило. Специально заслать к нам его не могли. За пять минут такое не подготовишь. Если только все это не организовано специально, но тогда все уже решено этим кем-то, и изменить мы ничего не сможем. Конечно, такой весомый аргумент, как завод, со счетов сбрасывать нельзя. А в целом? Если учесть дополнительные сведения, поступающие из других источников?» – Он очередной раз перебрал все донесения, мысленно деля имеющиеся в них сведения на достоверные, проверяемые и принципиально недостоверные. Сложил бумаги обратно в папку, закрыл, положив руки поверх картонной обложки, и задумался.

«Больше пятидесяти человек с разных участков границы. Пришедших добровольно. Все утверждают одно: СССР больше нет... не стало, а образовавшиеся на его месте капиталистические страны находятся, если проанализировать большинство высказываний, на уровне полуколоний САСШ. У границ враждебные государства, способные в любой момент начать агрессию. Пока я вижу только одну возможность ее избежать – противоречия между ними. К тому же, если верить некоторым опросам, Европа от наших... то есть, шени деда, от российских поставок нефти и газа зависит. Знать бы еще, где те нефть и газ залегают. Мало сведений, ох мало... Но пока можно выделить несколько перспективных направлений расследования. Фридлендером и его компанией займется Берия. Для контроля выберем еще несколько наиболее перспективных фигур. Вот этот, этот, этот и этот. Значит, Шарапова и Мельника отдадим Меркулову, остальных – Берии. Ну а вот этого, который даже партби-

лет сохранил... какой-то Компартии Российской Федерации – Мехлису. По остальным пусть решают на местах. Можно даже посоветовать испытать в конкретных делах, привлечь для работы с желающими вернуться в СССР будущанами. Тут, конечно, всплывает вопрос с гражданством, но я думаю, его можно решить в рабочем порядке. Например, признать тех, кто родился в СССР, гражданами автоматически. Надо будет Вышинского озадачить, пусть проверит рассказы о незаконности роспуска СССР. Но это уже второстепенные вопросы.

Самое главное – положение в мире и возможность сыграть на противоречиях между державами. Мы снова отстали от всего мира на семьдесят лет, и нам снова придется догонять. Но на это не хватит двух пятилеток. Даже четырех может не хватить. Теперь надо извернуться и обеспечить хотя бы две».

Он нажал кнопку звонка, дверь открылась, и на пороге бесшумно появился Поскребышев.

– Эти документы – перепечатать, отправить исполнителям. Новые поступления есть? Несите.

В это время за окном наконец-то опустилась ночная тьма.

День Второй 23/06/2010 г. – 23/06/1941 г

г. Брест. Девятая погранзастава.

Василий Нестеренко, сержант ПВ НКВД

«Расхристать твою хренофиговину в семизвездчатую похребень! Озвездинеть! Ну и наговорил же мужик! Не знаю, правда или нет, но не ощущаю его внуком! Какой, к звездам, внук, он же бати по годам старше. Или ровесник. Кстати, похож на него. Здорово похож. Может, и правда внук? С чего ему врать, не мальчик, чай...

Выходит, Анька родит сына в конце января, а тот обеспечит мне внука. Вот этого самого мужика. И если войны с немцами не будет, то увижу его маленьким. Вырастить успею.

А ведь не будет войны. Немцы-то тью-тью... Поляки там теперь. Ну, поляки нам до лампочки, их мы запросто побьем. Сколько раз били! Забоятся они до нас лезть. СССР вон какой большой, а сколько там этой Польши? Плунуть и растереть! Напомним панам про Польский поход!

Все-таки свистел он или нет, вот интересно... Если Анька сына родит, Серегой назовем, это точно. У нас в роду так принято, старший сын или Сергей, или Василий, по деду. Вот и командира этого Василием Сергеичем кличут, то есть по деду. По мне? Выходит, по мне. Внук все-таки? Прямо роман какой-то, не бывает так.

А как бывает? Откуда мне знать, звездофуговина сплошная перехребенченная, и только...

Гитлера, выходит, побили! Кто бы сомневался! Только долго как-то. Аж до сорок пятого проваландались! Значит, не учли чего. И если про крепость правда, то вообще все не так пошло, как думали... Какая-то некрасивая у него война получается. Не геройская. Нет, вру, геройская! Батя-то, а? С гранатой на танк! И жиденек этот! Надо же, развездяй развездяем, а до Берлина дошел. Меня через фронт тащил... Сам раненый, а тащил. Справный казак! Интересно, я бы его потащил? Не сейчас, когда все знаю, а тогда... Млять, совсем дурной, ясно же сказано: тащил. С самой заставы, и пока сам идти не смог. Ну, потом-то понятно, через такое вместе пройдешь – братьями станешь. Хоть он сто раз жид! Да и не жид он, нормальный советский еврей. Правильный. Вон, папиросы свои раздает, сам-то не курит. И сколько раздает, ни разу ничего взамен не попросил.

Нет, все равно, господа бога мать, не понимаю. Война – это же подвиг, это вперед, в атаку, с шашкой на лихом коне. На худой конец с винтовкой наперевес. Враг бежит, мы победили... А если смерть, то красивая, геройская... Как у бати... А тут... Шальной осколок в живот... уже после боя... Полный звездац... Если бы не Абрам, и тела бы не нашли... Спасибо, похоронил... А этого пацана, физика? Пока разбирался с винтовкой – пуля в голову. И все, ни одного выстрела не сделал. Зачем его вообще взяли, раз он не умеет ничего? Так и не хотели же, сам настоял. Дур-р-рак!

Вроде и геройская получается война, только неправильная какая-то. Грязная. Точно! Грязная. А может, она такая и есть? Может, другой и не бывает? А все это за шашку и лихого коня – для книжек? Воспитывают? Омлятенеть!

Надо будет завтра Аньке письмо накорябать. Небось про ребенка уже написала, не дошло еще. Вот и напишу, что сын родится и все будет хорошо. Надо же, так и не вышла замуж во второй раз, меня ждала!»

Васька встал с койки и потопал к выходу из казармы. Сунулся в нужный кубрик:

– Абрам, спишь?

– Нет.

– У тебя папиросы есть?

– Вроде оставались. – Абрам встал, нашел в тумбочке пачку «Казбека», протянул Ваське.

– Спасибо. Слушай, а как тебя кличут?

– В смысле? Ты же знаешь. Абрам, – удивился рядовой.

– Не, ты не понял, – затряс головой Сидоренко. – Абрам – это как у нас Василий или Сергей. А кличут меня Васькой, а сына Серегой будут кликать. Или Серым. У вас же тоже есть такие короткие имена.

– А-а. Мама Авриком называла. И ребята. Зачем тебе?

– Ну все-таки служим вместе... Ладно, пойду курну...

Сержант вышел из казармы и устроился под козырьком у входа, рядом с ящиком с песком. Несмотря на начавшийся ливень, место для курения было сухим. С умом строили.

Абрам подошел почти сразу.

– Слышь, Вась, как ты думаешь, этот командир, ну, внук твой, он правду рассказал?

– Не знаю. А какой смысл ему звездеть? – На неуставную форму обращения сержант внимания не обратил. Все же не на плацу.

– Да вроде никакого... Я вот все думаю... Венька... брательник... он же маленький, слабый... и кочегаром на паровозе... ревматизм у него... под лед провалился в позату зиму... нельзя ему кочегаром... и мама...

Васька слушал сбивчивый шепот сослуживца и вдруг осознал, шестым чувством ощутил главное.

– Аврик, млять! Ты не понял! Не будет этого! Не будет! Так у них было! А у нас нет! Не будет твой брат кочегаром! И у мамы твоей голодных обмороков не будет. И батя под танк не ляжет! И Анька моя не будет беременная по эшелонам мыкаться! А у твоей жены будет брат – гениальный физик!

– Да я ее и не знаю еще. Командир сказал – москвичка...

– Не знаешь, так узнаешь! Спросим у внука, кто, и найдем! Если мы смогли Гитлера! Понимаешь, Аврик, нет Гитлера! И немцев нет! Не будет той войны! Ни фуя не будет! Не будет!!! Понимаешь???

– Понимаю... Кажется... Немцы на нас не нападут... Меня не ранят. Тебя не убьют. Мы будем жить, Васька! – Абрам шагнул вперед, под хлещущий с неба поток, широко расставил руки и закричал: – Мы будем жи-ить!!!

Словно в ответ на крик, издалека, откуда-то из-за Буга, донеслось тревожное стаккато автоматной стрельбы, перекрытое басовитой пулеметной очередью...

КНР. Район Китайский Памир.

Группа российских альпинистов

Первым проснулся Егор. Полежал, прислушиваясь к тишине на улице. Подсветив фонариком на часы, горько вздохнул. В душе боролись два желания: вылезти по естественным надобностям и поспать еще. Но, вполне ожидаемо, победило третье, то самое, что

характеризуется словом «надо». Надо готовить еду, собираться и идти. И так сутки просидели из-за неожиданно свалившейся на голову непогоды. Егор перевернулся на живот, не вылезая из спальника, выпростал из мешка руки и начал возню с примусом.

Когда вода закипела, он засыпал в котелок сублиматы и скомандовал общий подъем. Парни неохотно зашевелились, выползая из мешков и натягивая пуховки. Несмотря на тепло, идущее от разогревшейся горелки, температура внутри палатки стояла не выше двадцати градусов. Минус, естественно. Что творилось снаружи, все представляли достаточно четко. Потому туда никто и не спешил, несмотря на недвусмысленное недовольство внутренних органов. Сначала, перекидываясь редкими словами, не спеша пожевали, попили чайку, так же неторопливо переоделись в ходовое. Упаковали спальные вещи в «шмотники», свернули коврики, позапихивали спальники в мешки... В палатке старались сделать все по максимуму, чтобы «на улице» оставалось как можно меньше действий.

Сейчас большого смысла в этом не было. Судя по тишине за тонкой стенкой палатки, снаружи ни ветерка, ни снегопада. Может быть туман. Ну да и хрен с ним, кому тот туман когда мешал? Тепло от горелки выветрилось минут за пять после отключения. «Дома» стало так же, как «на природе».

Но привычка – вторая натура. Когда «там» ждут все прелести жизни в виде сбивающего с ног ветра и несущегося с бешеной скоростью снега, то чем больше сделаешь «тут», тем лучше. Вот и сейчас, по привычке...

Для выхода из палатки существует две причины. Уже упоминавшиеся естественные надобности и отсутствие внутри какой-либо невыполненной работы. А поскольку дважды вылезать категорически влом, то либо приходится сдерживать «души прекрасные позы», либо быстро-быстро собираться. Лучше совмещать, что большинство и делает.

Первым вылез Лешка. Свалил справа от входа прихваченное барахло, чуть шагнул в сторону и довольно зажурчал. Закончив с утренним туалетом, то есть вернув на место все слои одежды, попутно вспоминая какую-то книжку, в которой туристы каждое утро тщательно умывались и чистили зубы, пожелал автору пару ночевок на шести тысячах с обязательным выполнением описанного ритуала. Повернулся к палатке и остолбенел.

– Ну ни х. я себе!

– Стакан! – тут же отреагировал из палатки Влад.

Одним из минусов чисто мужских групп является бесконтрольное изменение лексики в сторону полного вытеснения из речи цензурных слов. Решение бороться с данным явлением экономическими методами скрепя сердце приняли на второй день. За каждое матерное слово виновник выставлял обществу стакан спиртного. Первоначально подразумевали напитки крепкие, но через пару дней переиграли на сухое вино. Все равно накопившимися на сегодняшний день «штрафами» можно было вусмерть спойть не только родной турклуб, но и средних размеров райцентр в Нечерноземье.

– Да и хрен с ним, – отмахнулся Лешка. – Ты посмотри, какая пое. нь образовалась!

– Два стакана! – Влад остался верен себе.

Зато Егор вылез наружу, глянул в указанном Лешкой направлении и тоже «попал на стакан». Если учесть, что у Егора это был первый штраф, а спаивать город пока готовились только трое, Влад с Саньком ломанулись на выход, уже сгорая от любопытства. Чаша зарабатывания «стаканов» не миновала и их.

– Откуда она взялась? – спросил тем временем Егор, не отводя взгляда от перевала. – Позавчера же не было!

– Не было, – подтвердил Лешка.

– А вчера? – вмешался Влад.

– А хрен его знает, – почесал заросший подбородок Егор. – Вчера вытянутую руку разглядеть проблемой было, не то что перевал.

– И что делать будем? – поинтересовался Санек.

– Сначала все же отолюю, – Егор вспомнил, зачем собирался сходить на улицу, – а потом пойдем. Она сюда не придет, а нам по-любому туда. На месте разберемся. Может, не разглядели вечером. Ледовые стенки сами по себе не возникают, это не триппер.

Через час возникшую на перевале стену можно было не только увидеть, но и потрогать руками. Легче от этого не стало.

– Что скажешь? – спросил Егор.

– Так не бывает, – ответил Лешка, – просто не бывает, потому что не бывает никогда!

– С чего это? – поинтересовался Санек. – Так категорично?

– Смотри, – Егор уперся рукой в лед, бросив «шакала» свободно болтаться на темляке. – Идеально отвесная. И идеально гладкая. Словно льду и ветер, и солнце по фиг. – И упрямо повторил за Лешкой: – Не бывает так!

– Угу, – подтвердил Лешка, – не бывает. Но она как и вправду вчера возникла.

– Ладно. Готовь страховку, – скомандовал Егор, – проходить все равно надо. Тут с полверевки, не назад же поворачивать.

Лешка отстегнул бур, начал завинчивать в лед. Егор взял у Влада второй «шакал»...

– Мать! Не идет! Как в «бутылку»!

Четверка столпилась вокруг Лешки. Бур даже не царапал поверхность льда, словно та была алмазной. Выдолбленные лунки не помогали, в лучшем случае удавалось отколоть тонкую пластинку, которая немедленно уносилась вниз по склону. Смена бура тоже оказалась безрезультатной. Даже привычная «палочка-выручалочка», титановый ледобур странного фиолетового цвета, полуподпольного производства мастерских неизвестного советского НИИ, доставшийся Егору от отца и бравший все, включая натечный лед – ту самую пресловутую «бутылку», оказался бессилён перед загадочной стеной.

– Это не «натек», – сказал Егор, – лед переморожен. Батя с таким сталкивался на Накринской Щели. Там склон с ноября по февраль вообще мимо солнца пролетает. В тени полгода. Лед перемерзает и получается вот такая же фигня.

– А здесь с чего вдруг? – уставился на него Лешка. – Солнце минут через десять здесь будет. И станет часов на двенадцать минимум. Южный склон.

– А я знаю? Попробуй у подножия вкрутить.

– Вот так, – прокомментировал Влад, – стоят два аспиранта физтеха и не могут разбраться с простейшей физической задачей: кто заморозил лед!

– Вопрос «кто» относится не к физике, а к криминалистике, – вернул «мяч» Егор. – Тебе тут и карты в руки. Кто у нас дядя Степа среднего роста?

– Лед заморозил Дед Мороз, это тебе любой ребенок скажет, – сообщил Лешка, заворачивая бур в «пол» под ногами. – А вот понять, как он этого добился, современная физика не в состоянии. Как современная криминалистика не в состоянии достоверно определить злоумышленника. Егор, страховка готова!

Егор резким ударом загнал оба «шакала» в стену выше своей головы:

– Ну, хоть инструмент ее берет, сволочь такую! – Он сделал первый шаг, вбивая передние зубья. – И кошки держат. Терзают меня смутные подозрения, что придется работать без промежуточных точек.

г. Батуми, порт.

Кахабер Вашакидзе, старший лейтенант пограничной полиции Республики Грузия

Паром подходил на рассвете, еще в темноте. Каха стоял у борта и смотрел в сторону берега. Его первое путешествие по Европе заканчивалось. Он не любил путешествия и сейчас бы не поехал, но уж больно хотелось хорошую машину. Зарплата пограничника только в Грузии кажется большой. Увы, цены на машины образуются по немецким реалиям. А в Германии подержанную тачку можно купить не слишком дорого. Поехал практически наудачу. И удача не подвела: короткобазный «Гелендваген» с трехлитровым армейским дизелем. Конечно, не «пятая бэха» и не «Форд»-пикап. Имидж не тот. Но зато цена данной конкретной машины оказалась очень вкусной. Осталось достаточно бабок и на «подшаманить», и на «обмыть». А возраст... у «Мерседеса» нет года выпуска. «Мерседес» либо есть, либо его нет. Собственно, именно благодаря древности он и достался старшему лейтенанту пограничников так дешево. Подфартило и с обратной дорогой. Встретил земляка, причем знакомого. Ладо Цирикидзе жил тем, что скупал старые машины в Германии, тут же доводил их до нужной кондиции и перегонял в СНГ. Не только в Грузию, но и на Украину, в Россию и Белоруссию. В Германии Ладо знал всех, по интересующей теме, конечно. Сейчас он тащил «бэху» в Батуми. Не впервые, собственно, и познакомился пограничник с перегонщиком в батумском порту. Кахе встреча на рынке оказалась как нельзя кстати. «На хвосте» у Ладо он довел свою «Галку» до кондиции и доехал почти до дома. Осталось только пристать и выгрузиться.

Неоднократно виденные очертания берега были знакомы и в то же время неузнаваемы. Как на школьной фотографии первого класса, когда все лица узнаешь скорее по наитию. А от берега неся шарового цвета катер, оставляя за собой бурун. Сблизившись, катер стал за кормой, отсекая парому путь к нейтральным водам. На паром по трапу поднялся суровый молодой парень в форме лейтенанта пограничных войск. Совершенно обычный пограничник, если не считать, что форма была не грузинская и даже не советская. Точнее, советская, но устаревшая. Можно сказать, довоенная или копировавшая ее вплоть до кубарей в петлицах и забавного пояса со звездой. Да еще чуб – русский, чисто казачий, с кудряшками, «фартово» налезавшими на козырек. От чуба веяло такой посконностью, что Кахе захотелось приколоться. Например, взять под козырек бейсболки, полученной в санатории, где довелось отдыхать, и отпрапортовать: «Товарищ лейтенант, разрешите доложить? На вверенном мне судне безобразия не нарушались, водовка не пьянствовала! Докладывает старший лейтенант пограничной полиции Вашакидзе. Разрешите получить замечания?» Неплохо бы смотрелось на фоне клетчатых шорт и распахнутой на груди серой льняной рубашки Кахабера. Естественно, ничего подобного он делать не стал. Зачем? Несмотря на странный вид лейтенанта, шутить с ним не хотелось.

Следом за «командиром» появились четверо бойцов, одетых аналогично начальнику. И пятый. Как раз на нем не было ничего древнего, но именно этот тип и выглядел на общем фоне неправильно. Именно неправильно. Каха ощущал это чуть ли не физически. Мелкий, субтильный, в дешевом камуфляже «подделка под армейский», без знаков различия, он больше всего напоминал ребенка, настолько заигравшегося в войну, что не заметил, как вырос. А раз не заметил, то и не повзрослел.

– Лейтенант Толкачев, – по-русски представился первый поднявшийся, – пограничная охрана. Здравствуйте, товарищи.

Пассажиры ответили нестройным гулом.

– Я должен сообщить вам неожиданное известие, – продолжил лейтенант. – Пока вы путешествовали вдали от родины, произошло довольно редкое событие. И сейчас вы прибыли к границам не суверенной Грузии, а СССР образца сорок первого года.

Толкачев переждал возникший гул и продолжил:

– Понятно, что это трудно воспринять вот так сразу. Но придется. Такова реальность. Кстати, все понимают по-русски? Нет? Тогда сейчас ваш современник обрисует ближайшие перспективы.

Он кивнул сублильному. Тот вышел вперед, гордо вздернул голову и заговорил:

– Товарищи!

На минутку замолчал, прислушиваясь к гулу: пассажиры еще не пришли в себя от слов лейтенанта. Кто-то переводил его речь соседям, кто-то просто качал головой. Мелкий скривился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.